

Софья
ЯСЕНЕВА

РАЗВОД

Я (не) твоя проблема

Софа Ясенева

Развод. Я (не) твоя проблема

«Литнет»

2026

Ясенева С.

Развод. Я (не) твоя проблема / С. Ясенева — «Литнет», 2026

— Развестись хочешь? Смелая стала? А кто будет решать твои проблемы?

— Не переживай. Я больше не твоя проблема. Я думала, что мой муж — лучший мужчина в городе. Заботливый. Успешный. Востребованный. Пока однажды не открыла дверь в его кабинет... и не увидела то, что не должна видеть ни одна жена. Мой брак оказался красиво упакованной ложью. А мой муж — тем, кто изменял мне прямо на рабочем месте и даже не считал это предательством. Он уверен, что без него я пропаду. Что все мои проблемы — его забота. Что я без него — никто. Но я докажу, что справлюсь со всем. И если развод разрушит его репутацию — значит, так тому и быть.

Содержание

Глава 1 Ульяна	5
Глава 2 Ульяна	8
Визуализация	10
Глава 3 Ульяна	15
Глава 4 Ульяна	18
Глава 5 Михаил	22
Глава 6 Ульяна	25
Глава 7 Ульяна	28
Глава 8 Михаил	31
Глава 9 Ульяна	34
Глава 10 Ульяна	37
Глава 11 Ульяна	41
Глава 12 Ульяна	45
Глава 13 Ульяна	48
Глава 14 Михаил	51
Глава 15 Ульяна	54
Глава 16 Ульяна	57
Глава 17 Ульяна	61
Глава 18 Ульяна	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава 1 Ульяна

— Я говорила тебе, что Мишка твой — кобель? Так вот, ещё раз повторяю. Ты, конечно, мне верить не хочешь, Уль, но я ведь как лучше хочу.

Света наклоняется ко мне через маленький круглый столик, заговорщически понижает голос. Ложечка в её чашке звякает, кофе давно остыл, а глаза у неё горят, она уже вошла во вкус.

— Свет, ну что ты опять? Не с той ноги, что ли, встала? — вздыхаю я и обхватываю чашку ладонями, греясь. — Я ему верю. Он мне не раз клялся, что ни на кого из клиенток не смотрит как на женщин.

У меня внутри поднимается привычное раздражение, мы это уже сто раз обсуждали.

— А ты и уши развесила. Наивняк! Улья, я тебе давно говорю, было бы желание, ты бы его давно за, кхм... “хвост” поймала.

— Ну не отказываться же ему теперь от всех клиенток женского пола, — пожимаю плечами и делаю глоток кофе. — Между прочим, с них основной доход клиники идёт. Как ты себе это представляешь, лишиться дохода только потому, что я ревнивица?

— То есть ему ревновать тебя можно, а тебе его — нет? — Света прищуривается и складывает руки на груди, ожидая ответа.

— Просто он собственник. Это инстинкт такой у мужчин.

— Не зря говорят, любовь слепа, — закатывает глаза Света и театрально вздыхает.

— Так, всё, если ты хочешь и дальше Мишу ругать, я пойду...

Я отодвигаю стул, демонстративно собираюсь встать, хотя на самом деле никуда идти не хочу.

— Да стой ты. погоди. Давай договоримся, — Света тут же тянется через стол и хватается меня за запястье.

— О чём?

— Я один раз звоню тебе из салона, когда у Миши идёт приём с какой-нибудь горячей клиенткой. Ты приезжаешь, заходишь тихонько в кабинет и либо убеждаешься, что он кобелина, либо я тебя веду в самый лучший ресторан города и замаливаю грехи. И пообещаю, что отныне буду твоего Мишу любить, хвалить, на руках носить.

— Боюсь, ты не выдержишь, — фыркаю я, не сдержавшись, и качаю головой.

— Что тебе стоит? Нет, ну правда. Ты же в нём уверена, так?

Света подаётся вперёд, смотрит прямо в глаза, уже без иронии.

— Да.

— Значит, поедим за мой счёт, только и всего, и ты ничего не теряешь.

— Я подумаю.

Казалось бы, не первый раз уже обсуждаем Светины подозрения, что Миша не так прост. Разговоры ходят по кругу, одни и те же фразы, те же интонации, те же взгляды исподлобья. И каждый раз я его защищаю, даже не задумываясь.

Сколько можно. Терпение у меня заканчивается, и я уже всерьёз на грани того, чтобы просто ограничить общение с ней. Перестать отвечать на сообщения сразу, реже соглашаться на встречи, находить отговорки. И пусть мы тесно дружим вот уже три года, пусть через многое прошли вместе, но это просто ни в какие ворота. Когда под сомнение ставят моего мужа — это задевает глубже, чем она, кажется, думает.

Мой муж, Михаил Самарин, лучший массажист города. По крайней мере, так говорят клиенты, и я не раз слышала это от совершенно разных людей. Пару лет назад он открыл свой массажный салон, вложил по полной, рискнул и не прогадал. Запись расписана на недели вперёд, телефон не умолкает, администратор едва успевает отвечать. У него действительно

отбоя нет от клиентов. По большей части это женщины, но я всегда объясняла это просто: мы в принципе склонны больше заботиться о своём здоровье, о теле, о самочувствии. Мы чаще идём к врачам, на процедуры, прислушиваемся к себе.

К тому же Миша, как и остальные массажисты салона, все без исключения мужчины, очень привлекателен. Он тщательно подбирал команду профессионалов, ухоженных, уверенных в себе, накачанных. Я это понимаю и принимаю. Я допускаю, что женщинам иногда хочется мужского внимания, особенно одиноким, особенно тем, кому давно не говорили комплиментов и не смотрели в глаза чуть дольше обычного. Но между этим и изменой — пропасть. И Миша всегда казался мне человеком, который эту грань видит и не переходит.

Если бы я ревновала его каждый раз, когда он задерживается на работе или когда в сторис салона мелькают очередные благодарные улыбки клиенток, я бы просто сошла с ума. Я не хочу жить в этом напряжении, выискивать намёки, додумывать, проверять. Я выбираю доверие осознанно, упрямо, даже если иногда приходится отмахиваться от сомнений.

Но какая-то безуминка, сумасшедшинка, всё же подзуживает меня согласиться на этот один визит. Не из ревности, нет. Скорее из принципа. Утереть нос Свете, чтобы она раз и навсегда забыла о том, чтобы наговаривать на Мишу. Чтобы увидела своими глазами, что ей просто нечего ловить. И чтобы эта тема наконец закрылась.

В один из дней на новогодних каникулах Света скидывает мне короткое сообщение: «Приезжай».

У меня тут же начинают трястись руки, хотя я давным-давно представила, как всё будет. До мельчайших деталей. Как зайду, как увижу Мишу за работой, как Света потом будет смущённо отводить глаза. Поводов для сомнений нет. Это всего лишь дежурный визит, один из многих. Очередной сеанс, обычная клиентка. Пусть Свете будет стыдно, что она так и не отступила и довела меня до этого абсурда.

Подхватываю сумку, закидываю в неё телефон и быстро еду по почти пустым дорогам к клинике. Город будто вымер: редкие машины, гирлянды на фонарях, снег, собранный в серые кучи у обочин. Мой любимый «Ниссан Жук», которого я ласково называю Жужей, и в этот раз не подводит. Я еду и уговариваю себя не накручивать, дышать ровно, не делать из этого события больше, чем оно есть.

Паркуюсь на своём месте и захожу внутрь. В клинике пахнет знакомой смесью масел, которую я сама подбирала. Света поднимает на меня взгляд.

— Уль, Миша в двести первом кабинете. Тебя проводить?

— Нет, справлюсь.

— Ага. Ну... удачи.

Лицо у неё такое скорбное, что я предпочитаю на него не смотреть. Сердце неприятно ёкает, но я тут же одёргиваю себя: показалось.

Зайду, поцелую Мишу, скажу, что соскучилась. И поеду обратно домой. Он не будет удивлён, я иногда заезжаю к нему без предупреждения, привожу кофе или забираю после работы.

Бодро топаю по ступенькам, крепко держа сумку. Здравуюсь со знакомым персоналом, ловлю пару странных взглядов, но списываю их на свою мнительность.

Вот и нужная дверь. Обычно во время сеанса Миша запирается, чтобы никто не побеспокоил. Я заносу руку, чтобы постучать, но в последний момент останавливаюсь. Почему-то кажется важным зайти без стука.

Решительно опускаю ручку и толкаю дверь, оказавшуюся открытой, делаю шаг внутрь.

— А-а-а! Да-а-а! Михаил... — срывающимся голосом стонет женщина. — Это мой лучший в жизни оргазм!

Мир на секунду сжимается до этой фразы, до чужого голоса. Я даже не сразу понимаю, что всё ещё стою с рукой на дверной ручке и не могу ни вдохнуть, ни сделать шаг назад.

Внутри всё льдом покрывается, и я чувствую себя настоящей Снежной Королевой.

Мои хорошие,

Рада видеть вас в своей новой истории!

Чтобы не потерять меня, подписывайтесь на мою страничку

<https://litnet.com/shrt/RzWx>

А также добавляйте книгу в библиотеку и ставьте звездочки, так вы даёте моей музе мощный стимул писать для вас :)

Ваша Софа

Глава 2 Ульяна

— Господи, ну что я за дура?! — мне кажется, что я говорю это про себя, но из-за ширмы тут же выглядывает Миша.

У него так смешно в удивлении открывается рот, что губы растягиваются в неловкой, растерянной улыбке. И в этот же момент во мне что-то ломается: я начинаю смеяться. Громко, заливисто, истерично. И вместе с тем по щекам катятся слёзы сплошным потоком, неконтролируемо, горячо, будто из меня вымывают всё разом — обиду, злость, страх.

— Уль, ну всё, успокаивайся, я сейчас всё тебе объясню.

Он делает шаг ко мне, тянется, чтобы обнять, прижать к себе, будто так можно стереть всё, что я только что увидела и услышала.

— Не смей трогать меня этими руками, которые сейчас побывали в другой женщине!

Я отскакиваю от него, как от чумного, и в этом движении столько паники, что я сама себя пугаю.

— Да нигде они не побывали, не выдумывай.

— Если ты сейчас же не перестанешь из меня идиотку делать, я тебе лицо вот этими самыми ногтями расцарапаю, — гневно шиплю, сжимая пальцы так, что ногти впиваются в ладони.

— Тут клиентка находится. Подожди, я её провожу, а потом поговорим.

Конечно, он хочет замаять всё, это очевидно. Закрывать дверь, сделать вид, что ничего не было. Только в моих ли это интересах?

Ловко обойдя его, направляюсь за ширму, где на меня большими, перепуганными глазами смотрит довольно красивая женщина. Она всё ещё не одета, судорожно прикрывается сдёрнутой с кушетки салфеткой. Та сползает, едва держится, почти ничего не скрывая.

Сиськи у неё что надо, этого не отнять. Да и бёдра куда аппетитнее моих. Вот на это он повёлся, да? Мне говорил, что у меня идеальная фигура, точёная, как у статуэтки, всего в меру. А сам мечтал о третьем размере и бёдрах, как у Лопес.

Уперев руку в бок, открыто разглядываю её, не скрывая презрения.

— Отвернитесь! — наконец решается попросить она, дрожащим голосом.

Меня от шока и злости потряхивает, кажется, если я сейчас ничего не сделаю, то просто взорвусь.

— Ещё чего, шалавам в салоне не место, — дёргаю салфетку, оставляя её голой.

Она взвизгивает и руками прикрывает стратегические места.

— Михаил, уберите её!

— Уля, выйди. Ты пугаешь клиентку.

В его голосе раздражение, и это добивает сильнее всего.

— Мне плевать.

Хватаю её за руку и тащу за собой. Она сопротивляется, спотыкается, что-то лепечет, но я уже не слышу. Буквально выталкиваю её наружу и захлопываю дверь перед носом. С той стороны тут же раздаётся истеричное верещание, она орёт, что подаст на меня в суд, если я немедленно не открою.

— Ты обалдела? — Миша разъярённо нависает надо мной. — Что творишь? Хочешь скандал раздуть?

— Молчать не буду, — рывкаю, чувствуя, как внутри всё кипит.

— Ты нарываешься. Села!

— И не подумаю!

— Села. Я. Сказал, — рычит на меня, толкая к стулу рядом со своим рабочим местом.

Я плюхаюсь неуклюже, всхлипывая, на край сиденья. Сердце колотится, горло сжало спазмом. Как он со мной разговаривает? Кажется, к этой простигосподи у него сейчас больше уважения, чем ко мне. И от этой мысли становится особенно пусто и холодно.

— Жди, — взглядом к месту придавливает.

Кажется, я по-настоящему его разозлила. Испугалась бы, если бы могла, но внутри сейчас такой шторм, что страху просто не находится места. Я сама заведена, на пределе. Нервы звенят, натянувшись до крайности, как струны. Тронь — и разорвутся с противным, болезненным звуком.

Миша выходит из кабинета, и я слышу, как к нему тут же бросается его клиентка. Она что-то торопливо лепечет, всхлипывает, жалуется, жалуется — на меня, на ситуацию, на унижение. А он спокойным, ровным голосом разговаривает с ней, успокаивает. Терпеливый такой, выдержанный, на зависть. Будто и не готов был только что прихлопнуть меня, как назойливую мушку.

Гад. Ненавижу. Предатель.

Руки начинают дрожать. Я смахиваю всё со стола на пол — папки, какие-то флаконы, салфетки, всё летит с глухими звуками. Затем подлетаю к окну, распаиваю его и высовываю голову наружу. Холодный воздух бьёт в лицо, но мне всё равно. Ору. Громко, отчаянно, никого не стесняясь, будто хочу, чтобы весь этот проклятый салон, весь город услышал, как мне сейчас больно и мерзко.

Я тебе покажу, где раки зимуют, Самарин. Светка права была. Может, вообще все вокруг в курсе были: администраторы, эти массажисты, его клиенты. Одна я жила в розовом тумане, верила ему до последнего и защищала, как идиотка. Ну и кто я после этого? Интересно, насколько ветвистые у меня рога?

Слушать его оправдания и это циничное, снисходительное выражение лица я больше не хочу. Меня от него физически воротит. Душа просит действий. Сидеть на месте невозможно — внутри всё мечется, требует хоть какого-то выхода.

Мне вдруг приходит в голову мысль: а если здесь есть ещё какие-то доказательства его измены? Такие, чтобы он уже не смог отвертеться, чтобы не выкрутился. Я начинаю лихорадочно осматривать кабинет. Заглядываю под кушетку, открываю тумбочки, выдвигаю ящики, переворачиваю стопки салфеток, баночки с маслами. Пахнет мятой и эвкалиптом, этим проклятым профессиональным спокойствием, которое сейчас бесит сильнее всего.

Я ничего не нахожу и чувствую, как внутри поднимается истеричная пустота. Напоследок машинально подхожу к урне. Зря.

Сверху, даже не утонув в бумажках, лежит использованный презерватив.

Меня будто ударили под дых. В глазах темнеет, к горлу подкатывает тошнота, ноги становятся ватными. Я смотрю на него секунду, две, не в силах поверить, что это не какой-то кошмарный глюк. Потом резко отворачиваюсь и выскакиваю наружу. Бегу к выходу, не разбирая дороги, задыхаясь, будто в лёгких закончился воздух.

Света, увидев моё лицо, бледное и перекошенное, бросается ко мне с извинениями, хватая за руку.

— Уль, прости, я не думала, что всё так...

— Не сейчас, — выдыхаю я и прохожу мимо неё, даже не глядя.

Вылетаю на улицу, сажусь за руль и вдавливаю тапку в пол. Машина рвётся с места, а внутри у меня всё уже не просто болит, там что-то окончательно с хрустом ломается.

Визуализация

Ульяна Самарина, 28 лет

Преподаватель современных танцев в хореографическом училище. Очень женственная и красивая девушка. Сильная и в то же время нежная.

Михаил Самарин, 30 лет

Владелец массажного салона, лучший массажист города. Из-за популярности запись к нему лично может быть растянута на несколько месяцев вперёд. Хороший маркетолог.

Пока вы ждёте новые главы, можно заглянуть в другие мои романы:
Развод. До пошёл ты!

<https://litnet.com/shrt/oIF>
Развод. В плюсе останусь я

<https://litnet.com/shrt/clJf>
Развод. Пусть все знают правду

<https://litnet.com/shrt/5tO->

Глава 3 Ульяна

Руки сжимают руль так, что белеют костяшки. Дорога плывёт перед глазами, фары встречных машин режут сумерки.

Давайте честно. Вам вообще хотелось бы знать, если муж изменяет? Положа руку на сердце.

Допустим, он прекрасный мужчина. Красивый, спортивный, добрый. Полку дома прибёт, цветы раз в неделю дарит, а не только по большим праздникам. Может и полы помыть, и ужин приготовить. В постели у вас тоже всё прекрасно.

Одним словом, вас всё устраивает. Вы его любите и с его стороны чувствуете то же самое.

Думаю, желание сохранить эти чувства, комфорт, который у вас есть в данный момент, всё же будет присутствовать. Я никогда не была ревнивой. У меня здоровая самооценка. Я считала, что если отношения не твои, если вдруг парень изменяет, и ты узнаёшь, как говорится, «отпусти и забудь, что прошло — уже не вернуть».

Эта философия, кстати, помогала в юности пережить не одно расставание без особых драм. Может, спасало и то, что я ни к кому не испытывала ничего подобного, как к Мише.

В общем, не то чтобы я была слепа и глуха, у меня и правда не было ни одного повода, чтобы заподозрить Самарина в измене. Все доводы Светы казались мне надуманными. Ну завидует она немного моему счастью, с кем не бывает. Так сложилось, что у неё за последнее время отношения ни с кем не складывались. С работы она уволилась, и я устроила её администратором к Мише. С тех пор всё и началось.

Поэтому то, что я увидела и услышала в его кабинете сегодня, просто взрывает мозг и сердце блендером в крошево. С высоты моей уверенности в наших отношениях падать очень больно. По ощущениям, именно сегодня земное ускорение свободного падения вдруг увеличилось раза в два. И вот я лечу, без тормозов, без возможности за что-то ухватиться, и знаю, что удар будет таким, после которого уже не собрать себя прежнюю.

Ехать домой отчего-то не хочется. Там слишком много его — запах Миши, его вещи, его кружка на столе, его аккуратно развешанные рубашки. Вполне возможно, что меня там уже ждёт сам Самарин, если, конечно, ему хватило совести не расшаркиваться перед той клиенткой. Эта мысль почему-то бесит. Впервые у меня осталось чёткое ощущение, что я для него больше не на первом месте.

Слишком уж резко он кинулся за ней, будто я — пустое место. Наверное, йони-массаж, или как это у них в прайсе называется, стоит обалдеть сколько. Самая дорогая услуга, если верить рекламным буклетам. Интересно, входит ли туда ещё и «полный пакет»? От этой мысли меня снова мутит.

За своими мыслями я перестаю так пристально следить за дорогой. Нога сама давит на газ, и я существенно превышаю. Стрелка спидометра уходит дальше, чем должна, но меня это сейчас почти не волнует. Успокаивает одно, я выехала на трассу за городом. Здесь пусто, широко, и кажется, что можно просто лететь, пока внутри не станет хоть чуть-чуть тише. Зачем? Сама не знаю. Когда думаешь о чём-то своём, мозг идёт проторённой дорожкой, и вот я уже лечу привычным маршрутом к дому.

Стоит мне только осознать это, как я замечаю в зеркале заднего вида полицейскую машину. Синие проблесковые маячки мигают, сбивая с толку. Они хотят, чтобы я пропустила? Я инстинктивно притормаживаю, но полиция равняется со мной и уверенно жмёт меня к обочине.

Только мне с этим проблем не хватало. Как будто всего остального сегодня мало. Но я не герой боевиков и не специалист по погоням, поэтому уехать от них — точно не вариант. Да и лишиться прав сейчас совсем не хочется. Я прижимаюсь к краю дороги и останавливаюсь.

Полицейская машина встаёт сзади, фары слепят через зеркало. Проходит мучительно долгая минута, прежде чем в моё окно стучат. Я вздрагиваю, будто меня поймали за чем-то постыдным.

— Опустите окно, — читаю по губам.

Нажимаю кнопку, стекло плавно уходит вниз, и я сразу же начинаю тараторить, не давая ему открыть рот:

— Простите, пожалуйста, я не хотела. Честное слово. Может, вы меня отпустите?

Немолодой мужчина кривит лицо, смотрит на меня устало и недовольно.

— Девушка, вы скорость превысили на сорок километров в час. Я вас не то что не отпущу, я вас прав лишу за такое. Документы давайте.

У меня холодеют пальцы. Дрожащими руками я опускаю козырёк, выуживаю из него нужные ламинированные карточки и протягиваю полицейскому. Он берёт их, даже не глядя на меня.

— Подождите.

Разворачивается и уходит к своей машине, оставляя меня одну в тишине трассы.

Я опускаю голову на руль и пару раз прикладываюсь лбом, несильно, но с чувством. Да что ж за день сегодня такой. Где я так успела провиниться, что меня накрывает одно за другим, будто кто-то решил добить окончательно?

Полицейский возвращается. Уже без той ленивой незаинтересованности, теперь у него в руках прибор и лицо делается официальным.

— Ульяна Ивановна, пройдите, пожалуйста, тестирование на алкотестере.

У меня внутри всё обрывается. Пульс подскакивает, затапливая паникой. Почему-то заболтать полицейского кажется хорошей идеей, и я несу какую-то чушь.

— Что?.. Зачем? Я не пила, — голос выходит тонким и противным. — Это обязательно? А если я простыла? Это влияет? А если у меня давление сейчас?

Я слышу, как сама несу какую-то чушь, цепляюсь за слова, тяну время. В голове одна мысль: только не сейчас, только не ещё одна проблема.

— Вы отказываетесь? — спокойно спрашивает он.

— Нет! Конечно нет. Я просто... я нервничаю. Это как вообще делается? Сколько нужно дуть? А если я неправильно подую?

Второй полицейский, помоложе, переглядывается с первым. Тот вздыхает, будто ему всё это давно надоело.

— Ульяна Ивановна, либо вы сейчас проходите тест, либо мы оформляем отказ и едем в отделение.

— Но я же не отказываюсь... — шепчу я.

— Вы тянете время и не выполняете законное требование сотрудника полиции, — сухо отвечает он. — Поэтому мы проедем в участок для оформления.

— Какого оформления? — вырывается у меня. — Я что, преступница?

Он смотрит на меня уже без всякого сочувствия.

— Оформление отказа от прохождения медицинского освидетельствования. Это лишение прав и штраф.

У меня темнеет в глазах. Не может быть.

Я вцепляюсь пальцами в руль.

— Подождите... я сейчас подую. Я подую. Только... — голос срывается. — Давайте здесь. Пожалуйста.

Они даже не спрашивают, поеду ли я сама. Просто открывают заднюю дверь патрульной машины.

— Выходите из автомобиля.

— Подождите... а моя машина? — я цепляюсь за руль, будто он может меня спасти. — Я не могу её здесь оставить, тут трасса...

— Мы разберёмся, — отрезает полицейский. — Вы сейчас не в том состоянии, чтобы управлять транспортным средством.

Я выхожу из «Жужи» на подгибающихся ногах. Холод тут же пронизывает сквозь пальто. Они захлопывают мою дверь и идут к своим, переговариваясь между собой.

Один из них садится за руль моей машины. Видеть, как чужой человек опускается на водительское сиденье, где всегда сижу я, — странно и унижительно.

— Садитесь, — мне кивают на заднее сиденье патрульной.

Решётка отделяет меня от передних сидений.

Через лобовое стекло я вижу, как моя «Жужа» трогается с места и едет впереди, ведомая чужими руками. За ней — патрульная машина с включёнными маячками, в которой сижу я.

Стоит мне только зайти в участок, как взглядом встречаюсь со знакомым лицом. От удивления распахиваю глаза, а губы изображают идеальную “о”.

— Макс?

Глава 4 Ульяна

Передо мной мой одноклассник, Максим Золотарёв, которого я не видела... сколько? Десять лет?

Он стоит в дверях дежурной части, высокий, в форме, с коротко стриженными тёмными волосами, и смотрит на меня так, будто пытается совместить в голове два образа — ту девчонку из школьного коридора и эту растерянную женщину с растрёпанными нервами и покрасневшими глазами.

Надо сказать, что в школьное время он выглядел весьма неказисто. Популярностью не пользовался. Я с ним общалась скорее из жалости. Мне казалось несправедливым, что неплохого парня наказывают игнором за прыщи и отсутствие хорошей одежды.

Мы иногда сидели за одной партой, я давала ему списывать, он носил мне из столовой чай в гранёном стакане. Тогда это не имело никакого значения. Он был просто Макс, тихий, неловкий, всегда благодарный за любое внимание.

Но наше общение сошло на нет сразу же после выпускного, на котором я танцевала с ним несколько раз. Он тогда так смущённо держал меня за талию, будто боялся сделать что-то не так. После этого мы разошлись по разным жизням. Я — в свою, с институтом, браком и иллюзиями. Он — куда-то ещё. Поэтому я и не знала, что он работает в полиции. На встречи выпускников он не приходил. Ни разу. Даже в чате класса его не было.

Поэтому теперь я в полнейшем шоке. От того щуплого, прыщавого подростка не осталось ничего. Сейчас невооружённым взглядом заметно, что Макс не пренебрегает качалкой, следит за внешним видом. Форма сидит на нём как влитая, плечи широкие, взгляд спокойный, уверенный. И от этого почему-то становится ещё более неловко.

Если в школе я смело встречала его взгляд, не боялась разговаривать и даже делилась чипсами, то теперь я отчего-то теряю возможность говорить. Словно язык прилипает к нёбу. Помимо того, в насколько разных жизненных позициях мы находимся, мне ещё и жутко стыдно, что я таким образом встретила с ним — не в кафе, не на улице, а вот так, в участке, с протоколом.

Наверное, это какое-то заложенное в детстве чувство, что ты должен быть не хуже других. И если идёшь на встречу с одноклассниками, то непременно с поднятой головой и списком успехов за плечами. Сейчас мне похвастаться нечем. Только разваливающимся браком и тем, что я умудрилась вляпаться в проблемы с полицией в самый худший день в своей жизни.

— Уля? Комарова?

В его голосе тоже изрядная доля удивления. Киваю, чувствуя, как щёки горят.

— Максим Евгеньевич, Самарина Ульяна Ивановна. Превышение скорости на сорок километров в час. Вот, приехали для проведения освидетельствования. Разрешите пройти?

— Стой, Антон. Давай-ка я сам. А ты сходи на обед.

— Так ведь ещё рано.

Макс награждает его таким взглядом, что его подчинённый в секунду оказывается вне зоны нашей видимости. Вот так вот. Одним взглядом. Без крика, без объяснений.

Так вот ты какой, строгий начальник Максим Золотарёв. Кто же знал, что ты станешь таким завидным мужчиной. И кто же знал, что мы встретимся именно так.

— Уль, по протоколу я обязан закончить процедуру. Но потом мы можем поговорить. Как так вышло?

— Хорошо. Всё равно ничего не найдёшь. Я не пила. Просто растерялась, разнервничалась, вот и показалось твоим сотрудникам...

— Но превышала ты на самом деле. Куда-то торопилась?

— Скорее откуда.

— Вижу, что ты не очень настроена говорить. Тогда пойдём.

Я иду за ним по узкому коридору. Шаги Макса глухо отдаются от стен, и мне кажется, что этот звук бьёт прямо по нервам. Руки холодные, ладони влажные, хотя я прекрасно знаю — мне нечего скрывать.

Он заводит меня в небольшой кабинет. Белые стены, стол, компьютер, на краю — коробка с одноразовыми мундштуками и сам алкотестер. Такой обычный, серый.

— Присядь, — говорит он уже тише, без официального тона.

Сажусь на край стула, стараясь не смотреть ему в глаза. Почему-то от его присутствия мне гораздо сложнее, чем если бы здесь был любой другой полицейский.

Макс надевает перчатки, вскрывает упаковку с мундштуком. Делает это аккуратно, методично — видно, что для него это рутина. Только вот для меня — нет.

— Дышать нужно будет долго и ровно, пока не прозвучит сигнал, — объясняет. — Готова?

Киваю. Горло сухое, будто я и правда выпила что-то крепче воды.

Он подаёт мне прибор. Наши пальцы на секунду соприкасаются, и от этого прикосновения меня будто током бьёт. Я беру мундштук, подношу к губам.

— Дуй, — спокойно говорит он.

Я вдыхаю и начинаю выдыхать. Сначала слишком резко, прибор недовольно пищит.

— Спокойнее, — Макс наклоняется чуть ближе. — Не спеши.

Я снова набираю воздух и выдыхаю медленно, пока в груди не начинается жечь. В ушах стучит, перед глазами слегка темнеет, но я продолжаю дуть, упрямо, будто от этого зависит не просто результат теста, а что-то гораздо большее.

Наконец раздаётся длинный сигнал.

Я отстраняю прибор, делаю судорожный вдох.

Макс забирает алкотестер, смотрит на экран. Секунда. Другая. Эти пару секунд тянутся бесконечно.

— Ноль, — говорит он, поднимая на меня взгляд. — Как ты и сказала.

Я выдыхаю так, будто всё это время держала в себе воздух. Плечи немного опускаются, напряжение чуть отпускает.

— Я же говорила, — тихо отвечаю. — Я не пила.

Макс кивает, записывает что-то в бумагах. И вдруг в его лице снова появляется не служебная отстранённость, а тот самый Макс, которого я когда-то знала — внимательный, сосредоточенный.

— Тогда теперь можно без протокола, — говорит он. — Рассказывай, Уль. Что у тебя случилось, что ты летела как на пожар?

— С мужем поссорилась.

— Давно ты замужем?

— Пять лет.

Он на секунду задерживает на мне взгляд, будто что-то прикидывает в уме.

— Пять лет назад ты бы ещё не впечатлилась от моих перемен так, как сегодня, — лукаво улыбается.

Я ловлю себя на том, что и правда рассматривала его слишком внимательно. Широкие плечи под форменной курткой, уверенная осанка, этот спокойный, чуть насмешливый взгляд. Совсем не тот мальчишка, которого я знала. Мне становится неловко, будто он поймал меня с поличным.

— Прости.

— Всё в порядке, Уль. Я понимаю, что такая девушка, как ты, искала кого-то посимпатичнее и поувереннее в себе.

От его слов внутри что-то странно ёкает. О чём это он вообще? Получается, что он не просто так тогда тянулся ко мне? В школе? Бо-о-оже... Какая же я была глупая. Танцы, разговоры, его неловкие взгляды — всё это вдруг складывается в одну слишком очевидную картинку. И я её тогда в упор не видела.

Мне срочно нужно сменить тему, пока я окончательно не покраснела.

— Макс, так что мне теперь грозит? Надеюсь, прав меня не лишат?

— Нет. Но штраф я тебе выпишу.

— Это не так страшно, — с облегчением выдыхаю, чувствуя, как хоть одна из сегодняшних проблем решается.

— Подожди пять минут.

Он уходит, а я остаюсь сидеть на стуле, рассматривая облупившийся угол стола и пытаюсь собрать мысли в кучу. Слишком много всего навалилось: Миша, та женщина, дорога, полиция... и вот теперь ещё Максим со своими взглядами и полунамёками.

Спустя отведённое время дверь снова открывается, и Макс появляется на пороге.

— Ну что, выпьешь со мной кофе по старой памяти?

— А ты можешь уйти с рабочего места?

— Ненадолго.

Я колеблюсь всего секунду. Домой мне всё равно не хочется, а сидеть одной с этим комом внутри тем более.

— Тогда ладно.

Мы выходим на крыльцо. Макс галантно подставляет мне локоть, чтобы я не поскользнулась. Я принимаю его помощь, пусть и с небольшой неловкостью. Всё же лучше, чем растянуться на ступеньках, говорю я себе.

— Ульяна?

Этот голос я узнаю мгновенно. Сердце будто ухает вниз. Я резко отшатываюсь от Макса.

— Миш, ты откуда тут?

— Да вот, решил, что тебе помощь нужна, — в его тоне скользит что-то неприятно язвительное. — Но вижу, ты быстро научилась справляться.

Он переводит взгляд с меня на Макса и обратно, и в этом взгляде столько холодного недовольства, что мне вдруг становится не по себе.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка
Ирма Шер "Развод. Любовь не вернуть"

<https://litnet.com/shrt/zw9N>

Он выбрал карьеру в большом городе и любовницу, которую нестыдно показать партнёрам. Но вспомнил обо мне, когда я ответила другому "ДА"

ОН ВЫБРАЛ КАРЬЕРУ В БОЛЬШОМ
ГОРОДЕ И ЛЮБОВНИЦУ,
КОТОРУЮ НЕСТЫДНО ПОКАЗАТЬ
ПАРТНЕРАМ. НО ВСПОМНИЛ ОБО МНЕ
КОГДА Я ОТВЕТИЛА ДРУГОМУ
"ДА"

Глава 5 Михаил

Сказать, что я задолбался извиняться перед Митренко, — ничего не сказать. Это только кажется, что достаточно предложить скидку или бесплатный сеанс, и проблема исчерпана. Может, с кем-то такое и прокатило бы. Но Ксения — отдельная песня.

Её самомнение царапает потолок. А богатенький муж за спиной даёт ощущение, что она может нагнуть любого, кто косо на неё посмотрит. Стоит ли говорить, что выходка Ули её взбесила? Она мечется по коридору, как фурия, и каждый её резкий жест будто нарочно притягивает взгляды и персонала, и случайных клиентов.

— Я закрою твою шарашкину контору, Самарин, и ты никогда больше не сможешь открыть ничего подобного! Понял? — толкает меня, даже не прикрываясь, будто мы тут одни.

— Ксюш, подожди, не горячись, давай ко мне в кабинет.

Снимаю халат и накидываю на неё. Она тут же вцепляется в него, как в спасательный круг, судорожно оглядываясь, будто только сейчас осознаёт, что вокруг полно людей.

— Что смотрите? Отвернитесь.

Идеальное тело, как у неё, нечасто встретишь. Поэтому странно было бы надеяться, что все опустят глаза в пол. Но я всё понимаю, поэтому обожаю персонал и клиентов таким взглядом, что каждый внезапно находит крайне важным изучать пол, стены или даже чахлый цветок в углу коридора.

Ситуация осложняется ещё и тем, что Митренко — наша постоянная клиентка. Стабильно пару раз в неделю она посещает расслабляющий массаж, а помимо этого и другие виды время от времени. Не то чтобы без неё доход рухнет, нет. Но поскольку она — светская львица, то сплетни разнесёт по всему городу быстрее ветра.

Всеми правдами и неправдами мне нужно, чтобы она сменила гнев на милость.

Как только заходим в мой кабинет, усаживаю её в кресло, закрываю дверь и только тогда позволяю себе выдохнуть.

— Ксюша, будешь что-то пить? Вода, чай, кофе, сок?

— Ничего. Хочу убраться отсюда как можно скорее.

В её глазах плещется вселенская обида.

— Я могу предложить тебе месяц бесплатных сеансов.

— Чтобы к нам ещё раз кто-то ворвался и так по-хамски вёл себя со мной? Чем я заслужила такое отношение, Миш?

— Просто моя жена приревновала. Мой косяк, что я забыл запереть дверь.

— Ты же знаешь, со мной такое иногда бывает. Просто я очень чувствительная, а Павлик... ну...

Она замолкает, сжимая пальцы на подлокотниках кресла.

Да всё я знаю, что её мужу, который старше её на тридцать лет, зачастую не до секса. Лишний вес, одышка, стрессы. Для него даже подняться по лестнице проблема, не то что жене внимание уделить. Либи́до ниже плинтуса, одним словом. Жена для него — статусная игрушка, красивая, ухоженная, которую нужно выводить в свет и ставить рядом на приёмах. Чтобы все видели, какой он успешный. В остальное время он не очень-то интересуется её жизнью, а в постели разве что храпит рядом, отвернувшись к стене.

Но она-то молодая, здоровая женщина с достаточно высоким либи́до. Ей нужно не только внимание, но и живые эмоции, прикосновения, ощущение, что её хотят. Для неё это настоящая трагедия, и она пытается решить проблему так, как умеет и как позволяет её положение — через намёки, взгляды, попытки спровоцировать хоть какую-то искру.

Я стараюсь быть максимально деликатным, в рамках наших взаимоотношений массажист–клиентка. Держу дистанцию, соблюдаю правила, не позволяю себе ни слов, ни жестов,

которые можно было бы истолковать неправильно. Не позволяю себе комментарии на тему того, что происходит периодически на наших сеансах, как бы двусмысленно это иногда ни выглядело со стороны. Надо сказать, что я не распускал руки. Ни сегодня, ни до этого.

Поэтому реакция Ули меня откровенно взбесила. Мало того, что не выслушала, так ещё и подставила перед клиенткой, устроив этот цирк на весь салон. Если уж всего одна фраза заставила её сомневаться во мне, получается, она мне не доверяет. А без доверия что вообще остаётся?

Моя работа предполагает ежедневный контакт с телами женщин. Это часть профессии, ни больше ни меньше. Если бы я изменял ей направо и налево, она бы это заметила давно. Но я не давал поводов для ревности, хотя сам, чего уж греха таить, иногда грешу этим, бывает.

— Я всё понимаю. Если я поговорю с женой, и она извинится перед тобой, можем мы считать, что конфликт будет исчерпан?

— Не знаю даже... Мне будет неприятно снова ходить к тебе в тот кабинет. Я буду всё время вспоминать о том, что случилось, и не смогу расслабиться.

Ксюша пытается нахмуриться, но сделанный ботокс мешает, лоб едва заметно дёргается, кожа не слушается мышц. Выглядит это довольно комично, ведь о её эмоциях приходится только догадываться по глазам и интонациям.

— Мы можем поменять кабинет, это не проблема. И предложение о бесплатных сеансах ещё в силе. Ну же, соглашайся. Где ты ещё найдёшь такого специалиста?

— Тут ты прав, ты лучший. До тебя я, знаешь, сколько обошла массажистов? Ни у кого нет таких лёгких рук, — она чуть смягчается, откидываясь в кресле. — Наверное, я приму её извинения. Только искренние.

— Договорились.

— Миш, но если ты вдруг захочешь... эм... помочь мне по-другому...

— Мы уже обсуждали, это невозможно.

— Знаешь, я иногда бываю очень болтливой, особенно когда не удовлетворена, — тянет она, понижая голос. — Я бы могла чуть лучше держать язык за зубами. Ты помогаешь мне, я помогаю тебе, понимаешь?

Опять. Ну сколько можно? Раньше я отшивал подобные предложения без зазрения совести. Но теперь это больше похоже на угрозу, завернутую в бархатную обёртку. Не стоит её злить сейчас, это точно.

— Я подумаю об этом.

— Ла-а-адно, — бросает томный взгляд куда-то в область паха, явно довольная тем, что посеяла сомнение.

Как только отправляю Митренко из салона, возвращаюсь в кабинет и обнаруживаю, что Ули там нет. Ни сумки, ни куртки — пусто. Только этого не хватало. Хорошенько подумав, куда она могла деться, вспоминаю, что у меня есть способ узнать точно, где она.

Я не пользовался этим приложением ни разу с тех пор, как установил его, определяющее геолокацию. С её ведома, конечно. Для безопасности, на всякий случай. Вот он, этот случай, и наступил.

Открываю приложение, нахожу её имя. Метка мигает. Определяю адрес, вбиваю его в карты на телефоне. Отделение полиции. Что могло произойти?

Испугавшись за Улю, бросаюсь к машине и еду туда, почти не чувствуя дороги под колёсами. В голове одна мысль: лишь бы с ней всё было в порядке. Готовлюсь спасти её, что бы ни случилось.

Каково же моё удивление, когда я вижу не только Улю, но и какого-то хмыря рядом, явно подкатывающего к ней яйца. Стоят слишком близко, он что-то говорит, она слушает. Этот взгляд я не перепутаю ни с чем. Знакомое чувство тут же накатывает, застилая глаза красной пеленой.

Ни хвалёные техники дыхания, ни фокусировка на запахах и тактильных ощущениях не срабатывают. В голове только одно: убью гадёныша.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка
Анна Жукова "Развод. Снова (не) влюблюсь"

<https://litnet.com/shrt/dW5t>

Женаты по договорённости. Их развела его измена. Она уйдёт. Только отпустит ли он?

ЖЕНАТЫ ПО ДОГОВОРЁННОСТИ.

ИХ РАЗВЕЛА ЕГО ИЗМЕНА.

ОНА УЙДЕТ,

ВОТ ТОЛЬКО ОТПУСТИТ ЛИ ОН?

Глава 6 Ульяна

— Миша, ты откуда узнал вообще, что я тут? Я тебе ничего не говорила. Ты что, за мной следил?

Я не только пытаюсь отвлечь его внимание от Макса, но ещё и искренне недоумеваю, как он тут оказался. Сердце колотится где-то в горле, а внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия.

— Забыла, дорогая жена, что несколько лет назад сама согласилась установить трекер своего местонахождения? Классная штука.

Он говорит это слишком спокойно, насмешливо, и от этого по спине пробегает холодок.

— Если бы мне нужна была твоя помощь, я бы позвонила.

— Уверена? У тебя помощников много, как я посмотрю.

Полный ярости взгляд снова впивается в Золотарёва. Замечаю, что на виске у Миши бьётся жилка, тонкая, напряжённая, а значит он уже на грани. Ещё чуть-чуть, и сорвётся.

— Успокойся, я в порядке. Иди лучше разберись со своими «клиентками», а то мало ли, недоработал по количеству удовлетворённых женщин.

Как ни стараюсь, яд в голосе скрыть не удаётся. Я до сих пор пребываю в каком-то внутреннем отрицании, что такое вообще возможно. Чтобы мой Миша вот так вот работал. И это действительно то, что ему нравится? То, ради чего он учился столько лет в медицинском?

Может, это девиация какая-то? Ну знаете, мало ли, всякое в жизни бывает. И я тут абсолютно ни при чём. В том плане, что проблема не в том, что ему не хватает того, что я даю в постели. Проще думать так, чем принять, что он просто выбрал не меня.

Макс в полном шоке, переводит взгляд с меня на Мишу и обратно, будто наблюдает теннисный матч, где ставки слишком высоки.

— Уля, если ты позволишь, я бы решил вопрос сам.

В его голосе слышится напряжение, но и готовность встать между нами.

— Не надо. Это всё-таки мой муж.

Золотарёв сжимает челюсти так, что ещё немного, и ему придётся здорово потратиться на ортодонта.

— О чём вы там шепчетесь? И давно это у тебя?

Миша делает шаг вперёд, вторгаясь в наше личное пространство.

— По себе судишь?

Я поднимаю подбородок, стараясь не отвести взгляд, хотя внутри всё дрожит от злости и боли, перемешанных в один едкий коктейль. В ушах шумит. Ему даже в голову не пришло спросить, что случилось и как я тут оказалась. Зато выкатить претензии, причём необоснованные, — пожалуйста, это он умеет лучше всего.

— С каких пор ты ходишь под ручку с чужими мужиками, Ульяна? Это стало для тебя нормой?

— Тут скользко. Это просто жест вежливости.

Я указываю взглядом на мокрые ступени, но он будто и не слышит.

— Я похож на идиота?

Голос у него хриплый, злой, и в нём уже нет ни тени заботы, только собственничество и обида, перемешанные с уязвлённой гордостью.

Макс внезапно задвигает меня себе за спину, и пока я пытаюсь прорваться вперёд, чувствуя, как меня накрывает волна тревоги, спокойно, почти ледяным тоном говорит:

— Михаил, правильно? Мы с вашей женой всего лишь давние знакомые. Не виделись и не общались много лет. Я бы посоветовал вам не наезжать на вашу женщину, а к психологу сходить, научиться управлять эмоциями.

— Макс, не стоит...

Мой голос тонет между ними, как будто я вообще тут лишняя.

— А ты тут самый умный? Проработанный, да? — Миша делает шаг вперёд, вторгаясь в личное пространство Макса.

— Конечно, — с невозмутимым видом кивает Золотарёв.

— Тогда ты должен знать, что трогать чужую женщину не стоит. Руки от неё убрал. Сам разберусь, как с ней говорить.

— Пока ты не успокоишься, к Ульяне не подойдёшь, — заслоняет меня Макс, не двигаясь с места.

— Ты мне указывать будешь?

— Ты неадекватен.

Секунда, и кулак Миши врежется в скулу Максима. Звук глухой, страшный. Я охаю, инстинктивно делаю шаг вперёд.

— Прекратите! Миша, зачем ты раздуваешь конфликт?

Макс чуть пошатывается, но тут же выпрямляется. Я аккуратно поворачиваю его лицо к свету. На скуле уже проступает красное пятно, будет синяк.

— Боже, прости, пожалуйста.

— Ничего, — улыбается мне, как ни в чём не бывало. — И не такое проходил.

От этой спокойной улыбки мне почему-то хочется расплакаться ещё сильнее.

— Сука... Ты его ещё и жалеешь? Охренеть...

На лице Самарина такое презрение ко мне появляется, что я на мгновение действительно чувствую себя виноватой. Но за что? Что я сделала не так? Что позволила кому-то быть вежливым со мной? Зачем вообще было распускать руки?

Даже после удара сдачи не последовало. Вот кто умеет держать себя в руках, так это Макс.

— Я сейчас, — обращаюсь к Максиму.

Хватаю Мишу за руку и тащу в сторону его машины, подальше от чужих глаз и ушей. Пальцы сжимаются так, будто я пытаюсь удержать не его, а собственные эмоции, чтобы не разлетелись вокруг.

— Не надо закатывать мне скандалы. Помощь женщине — признак хорошего воспитания, а не того, что ко мне кто-то пристаёт. Ты и так попортил мне нервы сегодня. Пожалуйста, уезжай.

Он вырывает руку, но остаётся стоять, тяжело дыша.

— Я попортил? Да ты меня отказалась слушать! Не было у меня ничего с Митренко.

— Ой, так она там сама, что ли, кончила?

Слова вырываются резче, чем я планировала. Мне самой от них противно, но уже не остановиться.

— Нет, но...

— Стоп. Не надо оправдываться.

Поднимаю ладонь, как будто могу этим жестом отсечь весь его поток лжи.

— Я не дура. Я видела своими глазами использованную резинку в мусорке. Думаю, я в состоянии сложить дважды два.

Он на секунду теряет цвет лица.

— Резинку?

— Да-да. Знаешь, это такая штучка латексная, которую надевают, когда не хотят проблем с болячками и нежелательной беременностью. Так что ты молодец, позаботился обо мне как надо. Пять с плюсом тебе, Самарин.

Я делаю шаг ближе, глядя ему прямо в глаза.

— Если бы не один нюанс — у тебя есть жена, — рывкаю ему в лицо. — Так что катись, пока я добрая. А я сама решу, с кем мне и куда идти.

Слова повисают между нами тяжёлым грузом, и я впервые за весь этот безумный день чувствую облегчение, ведь сказала именно то, что хотела.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка
Агата Ковальская "Развод. Забыть и не простить"

<https://litnet.com/shrt/Zx76>

Он думал, что у него есть все - статусная жена и страстная любовница. Он ошибался.
Мой выбор прост - забыть и не простить.

**ОН ДУМАЛ, ЧТО У НЕГО
ЕСТЬ ВСЁ - СТАТУСНАЯ ЖЕНА
И СТРАСТНАЯ ЛЮБОВНИЦА.
ОН ОШИБАЛСЯ.
МОЙ ВЫБОР ПРОСТ - ЗАБЫТЬ
И НЕ ПРОСТИТЬ.**

Глава 7 Ульяна

Странно даже, что вместо каких-то ответных действий Самарин лишь желваками на скулах показывает своё недовольство. Челюсть у него ходит ходуном, губы сжаты в тонкую линию, но ни слова больше не следует. Неужели проняло, наконец? Или он просто не знает, что сказать, когда аргументы закончились.

Пока он не сообразил, что к чему, разворачиваюсь и иду к Макс. Спина у меня напряжена, шаги быстрые, будто я убегаю, а не просто ухожу. Тот тоже до сих пор на взводе, вижу по осанке, по тому, как держит плечи. Скула стремительно меняет цвет, от розового к откровенно синеватому, и от становится не по себе, хочется что-то сделать, чтобы ему стало легче.

— Макс, может, у вас лёд есть?

— Не обращай внимания, заживёт. Пойдём?

Говорит легко, будто это сущая ерунда, но я-то вижу, как ему больно, даже если он старается не подавать вида.

— Да, — киваю ему и на этот раз сама подхватываю под руку.

Кофейня и правда располагается совсем близко к отделению, буквально через дорогу, так что начальство не должно заметить отсутствия Золотарёва. Мы идём молча, и это молчание странно комфортное, без давления, без необходимости что-то объяснять или оправдываться.

Мы подходим к барной стойке и заказываем кофе. Себе я беру большой капучино, Макс американо. Я дополнительно ещё и десерт. Надо заесть стресс, иначе он меня просто съест изнутри.

— Девушка, можно вас попросить дать немного льда и полотенце, если есть?

— Да, секунду.

Усаживаю Макса за небольшой столик у окна. Людей немного, играет тихая музыка, пахнет свежей выпечкой. Прикладываю лёд к его скуле, стараясь делать это аккуратно, бережно.

— Держи, посиди хотя бы пять минут.

— Ну что ты начинаешь, подумаешь, синяк небольшой.

— А будет ещё меньше, если меня послушаешь.

Макс перехватывает свёрнутый кулёк, касаясь моей руки, и не сразу отпускает. Его пальцы тёплые, уверенные, и от этого простого прикосновения мне не по себе. Это будоражит. И тут же накрывает острое чувство вины.

Я не могу себе позволить впустить в свою жизнь другого мужчину. Я всё ещё замужем. И люблю мужа, хоть это и сложно, больно и временами почти невозможно. Просто я не из тех, кто в секунду может отпустить чувства. Знаете, как бывает говорят — от любви до ненависти один шаг. Что-то у меня так не выходит. У меня между этими точками — целая пропасть.

Устраиваюсь, наконец, напротив и прячу руки под стол. Та, которую коснулся Макс, горит огнём, будто я обожглась, а не просто позволила себе секундную слабость. Потираю ладонь о колено, уговаривая себя успокоиться. Что ж теперь, шарахаться каждый раз, когда коснётся кто-то? Это уже пахивает истерикой. Я делаю глубокий вдох и выдох, стараясь вернуть себе хотя бы видимость внутреннего равновесия.

— Уля, расскажи, чем ты сейчас занимаешься? Я помню, что ты всегда горела танцами, даже ездила на соревнования. После школы продолжила?

В его голосе искренний интерес, без дежурной вежливости. Такой, от которого хочется отвечать честно, не фильтруя слова.

— Да, даже взяла первое место на всероссийских. Но потом была травма, и про танцы в том виде, в котором они были, пришлось забыть. Теперь преподаю в хореографическом училище.

— Ничего себе, — он чуть приподнимает брови. — Не думал, что ты найдёшь себя в преподавании.

— Я тоже, — улыбаюсь, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. — Но мне нравится. Дети делают успехи. Иногда смотришь на них и понимаешь, что всё это было не зря.

Нам приносят кофе, и аромат свежемолотых зёрен окончательно возвращает меня в реальность. Я увлечённоковыряю вилкой чизкейк, отламывая крошечные кусочки, скорее чтобы занять руки, чем потому что голодна.

— А ты? Как так получилось, что пошёл в полицию?

— Изначально я поступил в академию МВД. Чёткой цели пойти после именно сюда не было, — говорит он, делая глоток. — Были другие. Например, улучшить физическую форму, обрести уверенность в себе, приносить пользу обществу. Думаю, у меня по итогу получилось.

— Ещё как, — хмыкаю. — Выполнил все цели.

— Кроме одной.

— Какой?

Слова срываются прежде, чем я успеваю подумать.

— Пусть это останется тайной.

При этом Макс смотрит чётко мне в глаза, спокойно, внимательно, без вызова, но так, что я сразу понимаю: граница обозначена. И я тут же иду на попятную.

— Конечно, если это что-то личное... Прости, я бываю немного бестактной.

Смущённо пожимаю плечами и снова тянусь к десерту.

— Просто спустя десять лет поверить не могу, что ты стал таким.

Я не уточняю, каким именно, но мы оба это понимаем. И от этого между нами на секунду повисает тёплая, странная пауза, слишком насыщенная для простых воспоминаний и слишком опасная, чтобы задерживаться в ней надолго.

Мы ещё немного болтаем, ни о чём и обо всём сразу. О городе, который за эти годы изменился до неузнаваемости, о работе, о мелочах, которые неожиданно сближают сильнее, чем громкие признания.

— У тебя дети есть? — спрашивает Максим как бы между прочим, но я вижу, как он замирает в ожидании ответа.

— Нет, — качаю головой. — Не сложилось.

Он выдыхает заметно, почти не скрывая облегчения, и лишь потом спохватывается, будто выдал себя.

— А у тебя?

— Тоже нет. Работа, дежурства... сам знаешь, как это бывает.

Киваю. Знаю. И от этого между нами снова возникает эта странная, тёплая тишина, в которой слишком много совпадений.

Мы обмениваемся ещё парой фраз, я уже почти успокаиваюсь, когда вдруг меня прошибает мысль, от которой хочется хлопнуть себя по лбу.

— Слушай... — наклоняюсь к нему через стол. — Ты же мне так и не отдал уведомление о штрафе.

Он моргает, явно не сразу понимая, о чём речь.

— Точно, — усмехается. — Замотался.

— Может, вернёмся обратно, и ты отдашь? А то ещё забудется.

Макс смотрит на часы, хмурится, словно прикидывая что-то в голове.

— Уль, я тороплюсь. Смена, начальство... Может, лучше заглянешь завтра?

— Да это же секундное дело, — пожимаю плечами. — Я и так там была.

Он на мгновение колеблется, потом решительно допивает кофе одним глотком, встаёт.

— Мне надо поторопиться. Завтра всё равно приходи.

Обходит стол, наклоняется и быстро, почти невесомо целует меня в щёку. Я даже не успеваю отреагировать, только чувствую лёгкое тепло и знакомый запах.

— Я правда очень рад тебя увидеть, — говорит уже тише. — И буду ждать завтра.

И, не давая мне ни времени, ни шанса что-то ответить, разворачивается и выходит из кофейни.

Я остаюсь сидеть, глядя в окно ему вслед, и только сейчас понимаю, что улыбаюсь.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка
Кира Туманова "Развод. Тайная жизнь моего мужа"

<https://litnet.com/shrt/XpZZ>

В маникюрном салоне столкнулась с любовницей мужа. Оказалось, у него есть и другие грязные тайны

**В МАНИКЮРНОМ САЛОНЕ
СТОЛКНУЛАСЬ С
ЛЮБОВНИЦЕЙ МУЖА.
ОКАЗАЛОСЬ, У НЕГО ЕСТЬ
И ДРУГИЕ ГРЯЗНЫЕ ТАЙНЫ.**

Глава 8 Михаил

В салон возвращаться не вижу смысла. Иначе я не то что массаж сделаю, а кому-то шею сверну. Злость затопила всё за грудиной, поднимается горячей волной, мешает нормально дышать. Руки зудят, челюсти сжаты так, что скрипят зубы. В таком состоянии к людям лучше не выходить.

— Света, отмени сегодня всех клиентов у меня. Перенеси на другие дни, извинись. В общем, проследи, чтобы все остались без обид.

Секунду она молчит, будто не верит, что слышит это.

— Миша, но как же? Начало дня.

— Я с тобой советуюсь? — рычу, даже не стараясь смягчить тон.

— Н-нет, — заикается растерянно.

Испугалась. И правильно. Сейчас мне плевать, как это выглядит со стороны. Собственно, терплю я её только из-за Ули. Обещал помочь — надо выполнять. В общем-то особого энтузиазма Света не проявляет ни в чём, кроме бесконечного скроллинга соцсетей и обсуждения чужих жизней. Так что в случае серьёзного косяка с её стороны ей не поможет никакое знакомство с моей женой.

— Делай, что прошу. И кстати... Ты сегодня разговаривала с Ульяной?

— Да.

— Во сколько?

— Когда она тут была, в салоне.

— И всё?

— Вроде. А что?

По голосу, дрожащему, натянутому, слышу, что что-то не то. Хитрит. Света вообще плохо умеет врать, особенно когда прижимают к стенке.

— Советую вспомнить точно.

— Нет, не говорила больше, — торопливо отвечает, слишком быстро.

— Если я узнаю, что по твоей наводке Уля сегодня приехала, я тебя в порошок сотру. Ты меня поняла?

— А вот не надо мне угрожать, Миша. Твой косяк. Я тут при чём?

— Прекрасно знаешь. Не советую портить мне жизнь. И мои отношения с Улей — не твоего ума дело. Своими занимайся.

Надеюсь, хватит ума заняться своей личной жизнью. Насколько я знаю из рассказов Ульяны, с ней у Светы вечная проблема — то не те мужчины, то вообще никого. Вот такой вот парадокс: мне до неё никакого дела нет, но я прекрасно осведомлён о том, что происходит в её жизни. Издержки брака.

Возвращаюсь домой, чтобы дожидаться, когда вернётся Уля. Заодно надеюсь хоть немного остыть. Не получилось ни в машине, ни по дороге, ни сейчас. Костяшки на правой руке ноют, хоть и не сбиты. Кожа натянутая, горячая, неприятно пульсирует. Всё же силу в удар я вложил немалую. Очень кулаки чесались. Нечего к моей жене подкатывать!

Пусть Ульяна думает что угодно, что этот её школьный знакомый просто хочет вспомнить былое, поболтать, попить кофе. Всё это чушь собачья. Он и тогда слюни на неё пускал, и сейчас взглядом облапал, я этот взгляд узнаю с первого раза. Хищный, оценивающий, липкий. Она просто слишком наивная. Или хочет такой казаться. Вот и верит всему, что ей говорят, особенно если говорят красиво и спокойно, без давления.

Сомневаюсь, что сейчас она послушает меня. Я для неё сегодня — не опора и не защита, а источник проблем и раздражения. А значит, вполне может согласиться на ещё одну встречу с ним. «Просто поговорить», «просто кофе», «просто из вежливости». Твою ж...

Смотрю на ключи в своих руках. Только сейчас замечаю, что сжимаю их слишком сильно. Почтовый ключ погнут, металл выгнулся дугой, как проволока. Придётся ехать за новым.

Откладываю связку на тумбочку и прохожу на кухню. Там слишком тихо. Даже холодильник не гудит. Мечусь по ней, как загнанный зверь: от окна к столу, от стола к раковине. Хватаюсь за стакан, наливаю воды, делаю глоток и тут же выливаю остатки. Успокоиться не выходит совсем.

В таком виде перед Улей появляться тоже чревато. Она всегда очень болезненно реагирует на мою ревность. Будто та каждый раз беспочвенна. Будто я всё это придумываю, накручиваю себя на пустом месте. Но если бы! Я замечаю все жадные взгляды мужиков вокруг. В спортзале, в магазине, на улице. Слишком хорошо замечаю. Будь их воля, если бы меня не было рядом, они бы воспользовались шансом обязательно. А Уля... Уля даже не всегда понимает, что ей смотрят вслед.

Достаю из бара бутылку виски и наливаю в рокс на один палец. Стекло тихо звякает о бутылочное горлышко, янтарная жидкость медленно расползается по дну. Опрокидываю обжигающе крепкий односолодовый одним глотком. Жжёт горло, приятно давит в груди, но голову не прочищает. Прохожу в гостиную и сажусь в кресло, откидываюсь, упираясь затылком в спинку.

Что мне ещё остаётся? Ждать.

Чем больше времени проходит, тем больше завожусь. Сначала смотрю на часы мельком, потом уже не отрывая взгляда. Стрелки двигаются издевательски медленно. Что можно делать столько времени там? Какой, мать его, кофе может длиться столько? Не переговоры же на высшем уровне. Пара фраз, вежливые улыбки — и по домам. Но нет. Тянется, как специально.

Стоит только хлопнуть входной двери, я встаю и выхожу встречать. Машинально оцениваю губы, привычка, отработанная годами. Непохоже, что целовалась. Макияж не размазан, дыхание ровное. Выглядит бледной, уставшей. Я прекрасно знаю, как выглядит хорошо оттраханная Ульяна, так что в этом плане можно расслабиться. От этой мысли не легче, но хоть не рвёт окончательно крышу.

— О чём так долго разговаривали? — голос у меня звучит глухо, с нажимом, хоть я и стараюсь держаться.

— Вспомнили школьные годы, — отвечает спокойно, будто это всё объясняет.

— И только?

— Ну да. А что ещё должны были?

— Тебе виднее. На этом всё?

Она непонимающе смотрит на меня, хмурит брови, будто я сейчас несую какую-то ерунду.

— Больше ты с ним встречаться не планируешь?

— Да ла-а-адно. Самарин, ты сейчас решил закатить мне сцену ревности что ли? — хмыкает она. — Я тебе не советую, Миша, лезть ко мне.

Скинув сапожки, подаёт мне пальто в машинально вытянутые руки и скрывается в ванной. Дверь захлопывается резко. Я стою секунду, сжимая ткань.

Вешаю пальто на плечики и закидываю в шкаф. Тон, которым она со мной говорит, мне абсолютно не нравится. Холодный, отстранённый. Такой, будто между нами не пять лет брака, а случайное знакомство.

— Мы не договорили, — говорю уже в сторону ванной, повышая голос.

Захожу к ней.

— Я — да.

— Ты мне бойкот что ли решила объявить?

— Ну я же говорю с тобой. Так что нет. Но ты прав, желания обсуждать что-то у меня нет.

— Ответь всего на один вопрос: ты с ним собираешься встретиться?

— Не буду отчитываться. С какой стати?

— Ты — моя жена.

— Мне показалось, сегодня утром это не имело никакого значения. Как часто ты забываешь о своём статусе, Миша?

Слова бьют точно в цель. Я сжимаю челюсти.

— Никогда.

— М-м-м... сомнительно. Может, мне тоже стоит иногда забывать колечко дома?

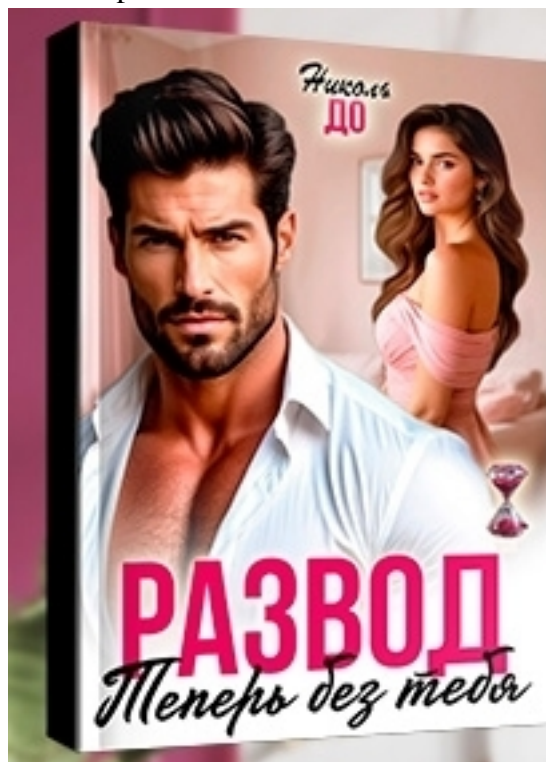
— Не стоит меня провоцировать, Уля, — подхожу к ней вплотную, сокращая расстояние до опасного минимума.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка
Николь До "Развод. Теперь без тебя"

<https://litnet.com/shrt/T5Ah>

Муж доностальгировался до беременности бывшей. Вали в свою новую семью, предатель! А мы справимся без тебя!

**МУЖ ДОНОСТАЛЬГИРОВАЛСЯ
ДО БЕРЕМЕННОСТИ БЫВШЕЙ.
ВАЛИ В СВОЮ НОВУЮ СЕМЬЮ
ПРЕДАТЕЛЬ,
А МЫ СПРАВИМСЯ БЕЗ ТЕБЯ!**

Глава 9 Ульяна

Выставляю руку вперёд, упираясь ему в грудь. Миша очень горячий на ощупь, будто внутри него кипит что-то живое, злое. Мышцы под ладонью напряжены, как камень. Отдёргиваю руку назад, когда он всё-таки останавливается, и прячу её за спину, словно сама обожглась.

— Миш, иди остынь.

— Я должен остыть? — злится Самарин, усмехается криво, зло. В глазах пляшут искры, которые я слишком хорошо знаю.

— Ну не я же. Я тебе, в отличие от тебя, не изменяла.

— Да не изменял я! — кулак с глухим звуком врежется в стену.

Я вздрагиваю скорее от неожиданности, чем от страха. Миша тут же подтягивает руку к себе и сжимает кисть, будто пытается удержать боль внутри. По тому, как он морщится, как напрягается шея, видно — ему больно. Очень. Но я не делаю ровным счётом ничего. Не подхожу, не спрашиваю, не тянусь. Просто наблюдаю, скрестив руки на груди.

Управление гневом — его проблема. Он о ней знает. Мы говорили об этом не раз. Я просила, уговаривала, предлагала варианты. Он кивал, обещал, а потом всё оставалось как есть.

— Ты можешь сколько угодно раз повторить это, — говорю спокойно, даже слишком. — Но это так не работает. Я слышала всё, что происходило в кабинете.

— Тогда как ты объяснишь то, что я вышел к тебе полностью одетый?

— Ловкость рук. Застегнуть ширинку — секундное дело, а раздеваться полностью необязательно.

Слова вылетают резче, чем я планировала. Это я что ли должна ему доказывать что-то? Обалдеть ситуация. Я стою тут, оправдываюсь, объясняю очевидное, как будто это я накосячила.

— Миш, ну это уже наглость.

— Что именно? — он смотрит исподлобья, вызываяще.

— Да то, что это я тебе доказываю, что измена была.

Он резко отодвигает меня от раковины, не грубо, но властно, включает холодную воду на полную и суёт руку под струю. Вода с шумом бьётся о керамику, разбрызгивается, намочив край столешницы и пол. Он шипит сквозь зубы, но руку не убирает.

— Наверное, это потому, что ты сама её придумала.

— Это ни в какие рамки... — качаю головой, чувствуя, как внутри поднимается змеёй злость, липкая и тяжёлая. — Знаешь, пока ты не будешь готов говорить нормально, я в этом участвовать не буду. Это разговор слепого с глухим.

Поворачиваюсь, чтобы выйти, но Миша перехватывает меня, разворачивает и вдавливают в стену. Спинай чувствую холод плитки, его тело слишком близко, дыхание тяжёлое, рваное.

— Уля, я тебе клянусь чем угодно, ничего с Митренко у меня не было. Она просто недо-траханная женщина, которой иногда хватает массажа, чтобы кончить. Вот вся правда. Какая есть.

Поднимаю взгляд, встречаясь с его глазами, и одновременно снимаю его руку с талии. Будто ставлю точку.

— Рассказывай сказки кому-то другому.

— Да блять!

— Бумеранг, Миша, он такой.

Говорю тихо, почти без эмоций. И именно это, кажется, злит его сильнее всего.

Знаете, есть такое мнение, что сильнее всего ревнуют те, у кого рыльце в пушку? Я долгое время отмахивалась от него, считая, что это всего лишь удобная теория, красивая фраза для разговоров на кухне и оправдание чужих слабостей. Мне казалось, что в реальной жизни всё

сложнее и глубже. Что ревность — это либо страх потерять, либо низкая самооценка, либо болезненная привязанность. Что угодно, но не отражение собственных грехов. Но вот прошло много лет, и я вынуждена согласиться. Теперь, когда есть неопровержимые доказательства, от которых невозможно отвернуться, как бы сильно ни хотелось.

Ревность Миши с самого начала наших отношений была третьим лишним. Она влезала между нами незаметно, будто бы случайно, но оставалась надолго. Она портила нам отпуска, когда он внезапно начинал хмуриться и подозревать, что официант в кафе слишком нагло смотрит в мою сторону. Он мог испортить целый вечер одним единственным взглядом — цепким, колючим, будто я уже в чём-то виновата.

Выходные превращались в напряжённые паузы, когда он замечал мой случайный, ни к чему не обязывающий взгляд на какого-то мужчину. Не заинтересованный, не оценивающий. Но для Миши этого было достаточно, чтобы замкнуться или, наоборот, начать язвить.

А уж про корпоративы и дни рождения я вообще молчу. Каждый такой выход в люди сопровождался предварительным допросом, а потом — обязательным разбором полётов. Кто был, кто подходил, кто что сказал, кто как посмотрел. Иногда мне казалось, что я сдаю отчёт, а не делюсь впечатлениями. Я ловила себя на том, что заранее думаю, как себя вести, куда смотреть и куда, ни в коем случае, не смотреть, лишь бы не спровоцировать очередной всплеск.

Я всегда старалась сгладить ситуацию, потому что моей вины не было никогда. Я объясняла, успокаивала, смеялась, переводила всё в шутку. Иногда оправдывалась, хотя даже тогда не понимала, за что именно. Поначалу это даже льстило. Казалось, что он считает меня слишком красивой, слишком желанной, что просто слишком сильно любит и боится потерять. В такие моменты ревность выглядела почти романтично, как признак исключительности.

Но очень быстро иллюзия рассыпалась. Потому что ревность отравляет жизнь куда чаще, чем украшает её. Она лишает лёгкости, превращает радость в напряжение и заставляет постоянно быть настороже. Меня стало это тяготить. Давить. Вызывать внутренний протест, который я долго старалась не замечать. И, как выяснилось, не зря.

Наверное, это даже глупо. Я прекрасно отдаю себе отчёт в том, что желание встретиться с Максом рождается не столько из искреннего интереса, сколько из злости и упрямства. Назло Мише. Щёлкнуть по носу. Поставить жирную точку в его бесконечных подозрениях. Будто сказать: ты ревновал беспочвенно столько времени? Ну вот, поздравляю, теперь повод действительно есть.

И от этого осознания становится ещё противнее. Потому что я всегда гордилась тем, что не действую из мести, не делаю назло. А сейчас ловлю себя на том, что именно это и происходит. Пусть не полностью, но слишком заметно, чтобы можно было отмахнуться.

Уйдя от него на кухню, я включаю кофемашину и долго смотрю, как струя льётся в чашку, будто это может хоть как-то упорядочить мысли. Беру кофе и сажусь у окна.

Я вдруг понимаю, что никогда не планировала, что буду делать, если наш брак закончится. Эта мысль всегда казалась далёкой, почти кошмарной. Как будто само её существование могло что-то разрушить. Я жила с уверенностью, что «у нас так не будет». А теперь самое время об этом подумать, сейчас, когда такая вероятность перестала быть призрачной и стала вполне себе реальной, пугающе осязаемой.

Телефон на столе вибрирует, вырывая из мыслей. Я вздрагиваю и тянусь к нему. Номер незнакомый. Сообщение короткое:

«Я жду тебя завтра в отделении, не забудь забрать уведомление о штрафе».

Подписи нет, но она и не нужна. Я улыбаюсь уголком губ, несмотря на тяжесть внутри. Макс. Конечно же, Макс. Это конкретный шаг. И вопрос только в том, зачем именно я туда пойду.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка
Наталья Ван "Развод. Я ставлю точку"

<https://litnet.com/shrt/A1PV>

Я узнала, что у мужа есть любовница, которая родила ему двойню, пока я стояла под дверью операционной и молилась, чтобы врачи спасли мою маму. Но ему показалось этого мало. Он решил действовать жестоко и тут же принёс мне заявление на развод.

**Я УЗНАЛА, ЧТО У МУЖА ЕСТЬ ЛЮБОВНИЦА,
КОТОРАЯ РОДИЛА ЕМУ ДВОЙНЮ,
ПОКА Я СТОЯЛА ПОД ДВЕРЬЮ ОПЕРАЦИОННОЙ
И МОЛИЛАСЬ, ЧТОБЫ ВРАЧИ
СПАСЛИ МОЮ МАМУ.
НО ЕМУ ПОКАЗАЛОСЬ ЭТОГО МАЛО.
ОН РЕШИЛ ДЕЙСТВОВАТЬ ЖЕСТОКО И ТУТ ЖЕ
ПРИНЁС МНЕ ЗАЯВЛЕНИЕ НА РАЗВОД.**

Глава 10 Ульяна

С Самариним у нас абсолютный игнор друг друга. Я не захожу на кухню, если там он, не задаю вопросов, не реагирую на взгляды. У меня нет ни малейшего желания снова связываться с ним и что-то выяснять. Можно сказать, я уже всё для себя решила. Я абсолютно уверена в том, что с той клиенткой у него всё было.

Его попытки оправдаться, которые в действительности и не выглядят оправданиями, а скорее упрёком, почему же ты мне не веришь, вызывают только глухое раздражение. Как будто проблема не в том, что он сделал, а в том, что я посмела усомниться.

Я и представить не могла, что подобное вообще происходит в салоне мужа. Да ещё и с его участием. Сколько раз я была там, здоровалась с персоналом, улыбалась клиенткам, считая это обычным, пусть и немного интимным, но всё же медицинским пространством. А теперь перед глазами всплывают обрывки фраз, полунамёки, взгляды. Это вообще законно? Или всё держится на тонкой грани между “услугой” и тем, о чём предпочитают не говорить вслух?

Мысль начинает зудеть где-то под кожей, и чем дальше, тем сильнее. Мне вдруг отчаянно хочется проверить, как это всё устроено на самом деле. Что, правда любая женщина может просто прийти, сказать администратору: “Хочу массаж с окончанием” — и пожалуйста, проходите, раздевайтесь, сейчас вас обслужат? И никто не краснеет, не задаёт лишних вопросов, не видит в этом ничего странного?

Даже придумывать ничего не нужно. Возьму Светку за жабры. Она слишком много знает, и слишком уж активно лезла в мою жизнь в последнее время. Насколько я помню, сегодня у неё выходной. Значит, должна быть дома. И если уж кто-то и обязан мне объяснить, что именно происходит в салоне Самарина, так это она.

Недолго думая, собираюсь и выдвигаюсь к ней. Проверяю время. По расписанию у меня сегодня всего одна пара, и та после двенадцати. Четверг — самый свободный день. Можно позволить себе с чистой совестью съездить по другим делам, даже если эти дела обещают быть неприятными.

Когда Света открывает дверь, её лицо вытягивается в удивлении. Она явно не ожидала меня увидеть ни так рано, ни вообще сегодня.

— Уль, ты чего так рано? Да ещё и без предупреждения.

Я не отвечаю сразу, просто делаю шаг внутрь и закрываю за собой дверь.

— Поговорить хочу, — говорю решительно.

— Ну давай, проходи тогда. Чай будешь?

— Давай. Тот, с травками.

Света разворачивается к шкафчикам, тянется на цыпочках к верхней полке. Я машинально отмечаю, как у неё дрожат пальцы, когда она снимает коробку. Значит, нервничает. Это даже немного успокаивает, не я одна сейчас на грани. Она сыплет травы в пузатый заварник щедро. Щёлкает кнопкой чайника, и на кухне сразу раздаётся шум нагревающейся воды.

— Так что случилось? — бросает она через плечо, слишком буднично.

— Да всё то же, — отвечаю, не отводя от неё взгляда. — Свет, я хочу знать всё.

Сцепляю руки на столе, до боли сжимаю пальцы. Если сейчас отступлю, потом уже не смогу спросить. Света оборачивается, встречается со мной глазами и сразу же отводит взгляд.

— Уля, но у меня ведь договор, я не могу разглашать ничего. Если Миша узнает, меня могут уволить.

Я коротко усмехаюсь.

— Ты сейчас серьёзно? Переживаешь о том, как бы свою задницу защитить?

— А что такого? — вспыхивает она. — Работа мне нужна. И Самарин платит хорошо, больше, чем в других салонах. Так с чего мне разбрасываться таким местом?

— Может, с того, что ты моя подруга? — голос предательски дрожит. — И это я тебе помогла устроиться туда.

Она опускает плечи, будто её прижали сверху чем-то тяжёлым.

— Да, но... Уль, мне так стыдно.

— Почему? — наклоняюсь вперёд. — Ты что, сама клиенток ублажала? Или, может, клиентов?

— Типун тебе на язык! — резко отмахивается она. — Нет, конечно.

— Я ничего не расскажу Мише, — говорю уже тише. — Этот разговор останется между нами.

Света подскакивает к чайнику, будто спасаясь бегством. Суетится, заливает кипятком смесь из лепестков василька, ромашки, чабреца и ещё кучи всего. Пар поднимается густой, пахнет лугом и чем-то горьким.

— Ладно, — наконец выдыхает она. — Только никому, Уль.

Я демонстративно показываю, будто застёгиваю молнию на губах и выкидываю ключ. Она хмыкает, но глаза всё равно тревожные.

— В общем, таким занимаются только двое у нас.

Слова будто бьют под дых. О-бал-деть. В голове мгновенно вспыхивает одно имя. Самарин?

Наверное, на моём лице отражается слишком много эмоций, потому что Света тут же начинает тараторить:

— Не Миша! Не он!

— А кто? — переспрашиваю, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Стрелец и Ключев.

— Свет, но ведь Миша в курсе?

— Конечно.

— То есть он разрешил? Или это его идея?

Она пожимает плечами, наливая чай по кружкам.

— Напрямую я не спрашивала. Судя по разговорам, он не очень доволен тем, что такая услуга есть в салоне. Но она приносит слишком много денег. Намного больше обычного массажа. Ну и только руки можно использовать. Самарин сказал, что если поймает кого-то на том, что он трахается с клиентками, выгонит с волчьим билетом.

Я хмыкаю и делаю глоток. Горько. Очень в тему. Ну да, самому-то можно.

— Тогда как объяснить то, что я видела в кабинете? — медленно произношу. — Да и ты сама не раз мне намекала...

Света сжимает кружку обеими руками.

— Уль, просто я несколько раз слышала стоны из кабинета, когда он там с этой... — она морщится. — Ну что я должна была подумать? А ты и слушать не хотела, что Самарин твой не святой. Я и не выдержала... предложила тебе самой проверить.

Чай остывает, а внутри у меня наоборот, всё закипает. И я вдруг понимаю: хуже неизвестности может быть только правда, которую уже начал собирать по кусочкам.

Итого, если собрать всё, что сказала Света: Миша знает о том, что происходит в салоне, но не прикрывает лавочку. Плюс, сам он не оказывает услуги "с окончанием", но эта Митренко — VIP-клиентка. А может, и вовсе любовница?

Дорогие читательницы,

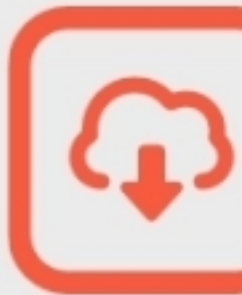
В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка
Марта Левина "После развода. (Не) законченная история"

<https://litnet.com/shrt/KrrW>

Бывший муж вернулся спустя семь лет, желая разрушить мою жизнь. Но я не дам сорвать ему свою свадьбу и узнать о нашем сыне...

Изоб

уд

Хостинг

Глава 11 Ульяна

Ревность железной лапой сжимает горло. Так сильно меня не накрывало никогда. Даже дышать становится трудно, будто воздух в кухне внезапно закончился. В висках стучит, ладони холодные, а внутри — оголённая злость. Сейчас хочется орать, крушить, заставить Самарина признаться в том, что он сделал. Не юлить, не прикрываться “ты всё не так поняла”, а хоть раз честно сказать, чего ему не хватало. Меня? Внимания? Или просто захотелось почувствовать себя самцом, которому всё позволено?

— Уль, прости меня, дуру, а? — Светка тянется ко мне взглядом. — Не надо было вмешиваться. Ты вон какая счастливая порхала. Я всё испортила.

У неё дрожит голос, губы поджаты, глаза блестят так, что ещё секунда, и слёзы польются. Она сидит на краешке стула, ссутулившись, будто уже заранее ждёт приговора.

— Считай, что ты открыла мне глаза, — отвечаю спокойно, даже слишком. — Сама бы я ни за что не стала проверять Мишу.

И от этого спокойствия становится грустно. Значит, внутри что-то окончательно надломилось.

— Но что теперь будет?

Она смотрит на меня так, будто я должна сейчас сказать, что всё образуется. Что это просто недоразумение. Что я поору, поплачу и прошу.

Пожимаю плечами.

— Наверное, развод.

Слово падает между нами тяжёлым камнем.

— Ох... — Света зажимает рот руками, будто пытается удержать звук внутри.

— Думаешь, лучше было бы, если бы Миша и дальше Ксюшу эту ублажал? — резко спрашиваю. — А я встречала его дома вкусными ужинами и кружевными комплектами? Делала вид, что у нас идеальная семья?

Она вздрагивает.

— Но я не думала, что ты будешь так... убиваться.

— Ну не радоваться же мне, — горько усмехаюсь. — Да и на какую реакцию ты рассчитывала?

— Да ни на какую, просто... — Света запинаясь и замолкает.

Она сидит, потупив глаза, вертит в руках ложечку, которая тихо звякает о кружку. Чай давно остыл.

— Знаешь, я, наверное, пойду, — говорю после паузы. — Подготовлюсь к паре.

Встаю, беру сумку, хотя прекрасно знаю, никакой подготовки не будет. Кому, как не ей знать, что обычно я импровизирую и появляюсь в аудитории с пустой головой и уверенным видом. Но сегодня она не обращает на очевидное враньё с моей стороны никакого внимания. Просто кивает, всё ещё не поднимая глаз.

Мне это только на руку. Потому что сейчас мне нужно остаться одной. Чтобы не разрываться.

Еду я и правда в училище, где устраиваюсь на паркете в зале, чтобы подождать начало занятия. Сначала хочется пострадать как следует, сесть, уткнуться в стену, прокрутить в голове всё по десятому кругу. Но очень быстро понимаю: смысла в этом ноль. Боль никуда не денется, а вот я могу развалиться окончательно.

Включаю музыку. Почти наугад. Что-то с плотным ритмом, с низами, которые отдаются прямо под рёбрами. Закрываю глаза и просто позволяю телу делать то, что оно умеет лучше всего, говорить вместо меня.

Сначала движения резкие, рваные. Плечи, корпус, поворот головы, будто отталкиваюсь от невидимых рук. Злость выходит через рывки, через напряжённые мышцы, через сжатые пальцы. Потом дыхание выравнивается, и танец меняется. Я скольжу по паркету, ухожу в пол, поднимаюсь, вытягиваюсь, закручиваюсь вокруг своей оси. В каждом движении — всё, что я не сказала Мише. Всё, что не прокричала Свете. Всё, что застряло внутри.

Музыка ведёт, а я ей подчиняюсь. Босые стопы чувствуют холод паркета, колени слегка ноют, но это приятная боль. Я разворачиваюсь, резко останавливаюсь, откидываю голову назад, и в этот момент меня отпускает. Не навсегда, нет. Но хотя бы на сейчас.

Аплодисменты слышу не сразу. Сначала кажется, что это часть трека. Потом открываю глаза.

У стены стоят девчонки. Четыре или пять, с рюкзаками, в куртках, явно пришли раньше времени. Смотрят на меня так, будто увидели что-то очень красивое.

— Боже... — выдыхает одна.

— Это вы у нас будете вести?

— Я никогда так не смогу...

Улыбаюсь, переводя дыхание, вытираю ладонями вспотевшее лицо.

— Сможешь, — говорю честно. — Если перестанешь бояться.

Они переглядываются, улыбаются, начинают шептаться, а у меня внутри появляется странное, почти забытое чувство — я на своём месте. Несмотря ни на что.

Сажусь на пол, тянусь, проверяю телефон. И вот тут реальность возвращается без предупреждения.

Макс. Отделение. Штраф.

Я совсем про него забыла. А ведь надо ехать. Забрать это дурацкое уведомление и сразу оплатить. За быструю оплату делают скидку, смешно, конечно, экономия на фоне разваливающегося брака, но тянуть смысла нет. Чем быстрее закрою этот вопрос, тем лучше.

Так не хочется. До тошноты. Но куда тянуть?

Выключаю музыку, поднимаюсь, хлопаю ладонями, привлекая внимание учениц.

— Ладно, красавицы, разминка через десять минут. Переодеваемся.

Поскольку преподавание для меня сродни терапии, занятие проходит легко и быстро. Полтора часа пролетают, как один миг.

После занятия я еду в отделение. Тело приятно ноет после танца, в голове — странная пустота, будто эмоции временно встали на паузу. Захожу внутрь, беру талон, сажусь на жёсткий пластиковый стул и терпеливо жду, разглядывая облупившиеся стены и объявления с кричащими шрифтами.

Когда подходит моя очередь, выясняется неожиданное.

— Максима сейчас нет, — пожимает плечами девушка за стойкой информации.

— Как нет? Он же писал... — начинаю и тут же осекаюсь. Неважно. — Ладно. Тогда давайте просто уведомление, я оплачу.

Она хмурится, что-то долго щёлкает мышкой, потом зовёт кого-то из соседнего окна. Они шепчутся, листают папки.

— Документ не можем найти, — наконец сообщает она.

Я вздыхаю, чувствуя, как раздражение снова поднимает голову.

— Извините тогда. Я заеду позже.

Разворачиваюсь к выходу и буквально врезаюсь в знакомую грудь.

— Осторожнее, — смеётся Золотарёв.

Он целует меня в щёку легко.

— Рад видеть. Пойдём, напою чаем, — подмигивает. — Раз уж пришла.

Я даже возразить не успеваю, как он ведёт меня обратно, к своему кабинету. Пара фраз, и уведомление о штрафе находится буквально за секунды. Бумага оказывается на столе, будто всегда там и лежала.

— Ну вот, — довольно говорит Макс. — Видишь, ничего сложного.

Я беру документ, уже собираясь уходить.

— Спасибо, я тогда побежала.

Поднимаю взгляд и ловлю его. Он ничего не говорит, но смотрит так... мягко, выжидающе. Будто просит остаться ещё на пару минут. Не на чай даже, просто посидеть.

Смотрю на часы.

Чёрт.

Я должна быть дома. Уже давно.

— Правда, в другой раз, — говорю я, извиняясь. — Мне пора.

Он кивает, но не выглядит расстроенным.

— Тогда запиши мой номер.

Замираю на секунду. Внутри сомнение. Зачем? А потом думаю: а что такого? Ничего ведь не происходит.

Протягиваю ему телефон с открытым окном добавления нового контакта.

Макс быстро вбивает номер, делает дозвон.

— Ну что, пока, Уль, — улыбается он.

— Пока, — отвечаю я и выхожу, ощущая странное тепло под рёбрами. Совсем не то, которое должно быть.

Дом встречает меня тишиной. Слишком плотной.

Миша стоит в прихожей, скрестив руки на груди. Лицо хмурое, взгляд тяжёлый.

— Где была?

Дорогие читательницы,

В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка
Селена Лан "Развод. (Не) ищи меня"

<https://litnet.com/shrt/vxVW>

Я сожгла мосты. (Не) пытайся строить их заново

Я сожгла мосты.
(не) пытайся
строить их заново

Глава 12 Ульяна

— На работе.

— С каких это пор дорога домой стала занимать у тебя два часа?

— Пробки, — смело заявляю, даже плечами пожимаю для убедительности.

— Да что ты? А по картам так и не скажешь. За идиота меня держишь?

Он стоит посреди прихожей, перекрывая проход, и я физически ощущаю, как от него волнами идёт напряжение, агрессия. Взгляд цепкий, злой, будто он уже всё решил. Не отвечаю. Просто обхожу его по дуге и захлопываю за собой дверь ванной.

Сердце колотится ужасно быстро, с гулом ударяясь о рёбра.

Почти сразу раздаётся глухой удар. Миша врезается кулаком в дверь. Я вздрагиваю всем телом и замираю, прижав ладонь к груди. Ну вот зачем так психовать? Кому от этого легче?

Включаю воду, мою руки тщательно, будто пытаюсь смыть не грязь, а этот неприятный разговор. Касаюсь щёк мокрыми ладонями. Лицо пылает то ли от злости, то ли от унижения, то ли от всего сразу. В зеркале на меня смотрит уставшая женщина с напряжённым взглядом. Не виноватая — именно уставшая.

Надо бы выходить. Не сидеть же тут часами, как в бункере. Но если Самарин там, снаружи, и опять начнёт скандалить, то, может, и не так уж плохо здесь остаться. Ванная, конечно, не пятизвёздочный номер, но и не камера пыток. От жажды не умру, а без еды человек, говорят, может протянуть несколько недель.

Фыркаю и даже тихо смеюсь. Мысли у меня сегодня, мягко говоря, странные.

Но если отбросить шутки, мне правда до чёртиков надоело оправдываться. За опоздания, за взгляды, за улыбки, за чужие фантазии. Я постоянно чувствую себя виноватой. Даже в том, к чему не имею никакого отношения. И это началось далеко не вчера, не с Макса, не с сегодняшнего дня.

Это стало нормой. Фоном. Как шум в ушах, к которому привыкаешь и перестаёшь замечать, пока он не начинает сводить с ума.

Как мне донести до Миши, что это ужасно выматывает? И главное, захочет ли он вообще это услышать?

Осторожно открываю дверь и сразу натываюсь на взгляд Самарина. Он стоит прямо напротив, будто всё это время караулил, когда я выйду. Плечи напряжены, челюсть сжата так, что скулы проступают резче обычного.

— А я думал, долго ты там сидеть будешь.

Голос ровный. Такой у него бывает перед взрывом.

— Да хоть три часа, имею право.

— Конечно. На всё имеешь право, Уль. И к мужикам другим ходить в том числе.

— О чём ты?

— Ты с Золотарёвым была, ведь так?

Я даже моргаю от неожиданности.

— Да что ты пристал к нему? Это была случайная встреча. Такое бывает, представь себе.

— Потом так же случайно его язык окажется у тебя во рту?

— Хватит равнять всех по себе! — голос срывается, но мне уже всё равно. — Оставь меня в покое, боже. Могу я просто прийти домой и отдохнуть?

Разворачиваюсь и иду на кухню. Руки дрожат. Миша идёт следом, почти наступая на пятки.

— Можешь, Уль. Без проблем, — тянет он с горькой усмешкой. — Может, сразу меня нахрен пошлешь?

— Ну зачем ты накаляешь обстановку? — оборачиваюсь, упираясь спиной в столешницу.

— Да потому что ты врёшь мне! А тот, кому скрывать нечего, скажет правду.

— Это не так.

Он делает шаг, потом ещё один, и вот уже прижимает меня к стене. Холодная плитка упирается в лопатки. Миша наклоняется, упирается лбом в мой и смотрит прямо в глаза. Слишком близко. От него пахнет виски. В его взгляде такой хаос, такие черты устроили свой ад, что мне становится по-настоящему страшно. И за него, и за себя.

— Ну давай, скажи мне сейчас, Уля, без купюр. Тебе нравится этот Макс?

— Он просто мой одноклассник.

— А поцеловать ты бы его хотела?

Я молчу. Этот вопрос сам по себе абсурден. Я вообще ни на кого не смотрю, пока я с ним. У меня нет мыслей об измене, нет фантазий, нет планов. Но любые слова сейчас будут использованы против меня.

— Молчишь... — усмехается он криво. — А трахнуть? Чужой член ты бы хотела попробовать?

Меня будто ледяной водой обливают. Он сейчас совсем не здесь, не со мной. Его ревность сожрала его с потрохами, не оставив ни разума, ни границ. Я чувствую, как внутри всё сжимается.

— Прекрати, — шепчу. — Ты меня пугаешь.

Он на секунду закрывает глаза, тяжело выдыхает, будто борется сам с собой.

— Чего тебе со мной не хватает, Уля? — голос становится тише, надломленным. — Я с ума схожу.

И в этот момент мне вдруг ясно: мы оба стоим на краю. Только он — в ярости, а у меня пусто.

Я сглатываю и отвожу взгляд, потому что если продолжу смотреть ему в глаза, либо расплачусь, либо скажу что-то такое, после чего дороги назад уже не будет. А может, её и так нет.

— Мне с тобой не хватает спокойствия, — говорю наконец. — Обычного, человеческого. Чтобы не оправдываться каждый день, не доказывать, что я не верблюд. Чтобы меня слышали, а не допрашивали.

— То есть это я во всём виноват? — криво усмехается он. — Удобно. Очень удобно, Уль.

Он отходит на шаг, проводит рукой по лицу, словно пытается стереть с него это напряжение, но становится только хуже. Комната будто сжимается.

— Я не говорю, что ты во всём виноват. Я говорю, что так больше не могу.

— А как ты можешь? — резко оборачивается. — Как ты вообще себе это представляешь? Ты думаешь, что вот так просто можно взять и всё перечеркнуть?

— Я ничего не перечёркиваю. Я пытаюсь выжить в этом браке, Миш.

— В браке? — он почти смеётся. — Да ты уже живёшь так, будто я тебе мешаю.

— Потому что ты и правда мешаешь, — слова вырываются сами. — Ты контролируешь каждый мой шаг. Каждое опоздание. Каждый взгляд. Мне уже дышать рядом с тобой сложно.

Он снова подходит ближе, нависает, но теперь в этом нет прежней уверенности. Больше злости, чем силы.

— И что дальше? — опасно тихо спрашивает он. — Ты к этому Максусвоему побежишь? Или найдёшь кого-то ещё? Думаешь, я не вижу, как ты отдаляешься?

— Ты сам меня отталкиваешь, — отвечаю я устало. — Каждый раз, когда не веришь. Каждый раз, когда решаешь за меня, что я сделаю и чего я хочу.

Я делаю глубокий вдох и вдруг понимаю, что дальше юлить уже бессмысленно. Все слова, которые я столько времени проглатывала, стоят комом где-то в горле и жгут.

— Знаешь... — начинаю медленно, — а может, нам вообще стоит развестись?

Он замирает. Не двигается, даже не моргает, будто не сразу понял смысл сказанного.

— Что ты сказала? — переспрашивает глухо.

— Я сказала: развестись, — повторяю уже увереннее. — Потому что то, что у нас сейчас, — это не жизнь. Это постоянная война, где я заранее виновата.

— Ах вот как, — губы его кривятся. — Значит, всё-таки к этому шло.

Он делает шаг ко мне, и я машинально упираюсь спиной в стену, но не отвожу взгляда.

— Развестись хочешь? Смелая стала? А кто будет решать твои проблемы?

Вот теперь больно. Не от слов — от того, насколько привычно он это говорит. Будто я всё это время была не женой, а каким-то бесконечным источником неприятностей, которые он решал.

— Не переживай, — отвечаю тихо, но чётко. — Я больше не твоя проблема.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка

Милана Лотос "После развода. Я (не) хочу быть твоей женой"

<https://litnet.com/shrt/m7Gf>

Я ехала к мужу с радостной новостью – мы ждем ребенка. Но, войдя в офис, увидела его с другой женщиной.

Я ЕХАЛА К МУЖУ С РАДОСТНОЙ
НОВОСТЬЮ – МЫ ЖДЕМ РЕБЕНКА.
НО, ВОЙДЯ В ОФИС,
УВИДЕЛА ЕГО С ДРУГОЙ ЖЕНЩИНОЙ

Глава 13 Ульяна

Собрав всю силу воли в кулак и гордо подняв подбородок, вышагиваю за сумкой. Плевать, что я понятия не имею, куда пойду. В голове пусто. Здесь оставаться я не могу физически — стены давят, воздух будто заканчивается. Может, отсижусь на лавочке в каком-то дворе, а может, пойду пешком до торгового центра за кофе, просто чтобы не стоять на месте.

Главное, что не тут, в компании Миши, который абсолютно меня не слышит. Я же буквально ору о том, что не так. Но этого всё равно недостаточно.

— Побежала плакаться к Максусу?

Оборачиваюсь. Его голос режет по живому. В его взгляде такая неприкрытая, злая насмешка, что меня передёргивает. Не ревность уже — злость, желание укунить побольнее. Как мне быть дальше, если человек, с которым я жила, смотрит на меня вот так?

— Вали, вали давай! Что встала?

Слова летят мне в спину, как пинки. Едва сдерживая жгучие слёзы, обуваю и накидываю куртку. Полы оставляю распахнутыми — боюсь, что просто не справлюсь с молнией, настолько дрожат руки. Пальцы не слушаются, дыхание сбивается. И этот взгляд. Он стоит и смотрит, не помогая, не останавливая, не жалея. Просто фиксирует момент моего ухода, будто ставит галочку.

Выхожу на лестничную площадку и захлопываю за собой дверь молча.

Миша никогда не был простым человеком. Сначала мне казалось, наверное, как и любой наивной девчужке, что в её силах что-то изменить. Любовью, терпением, правильными словами. Что если быть достаточно хорошей, мягкой, понимающей, он тоже станет другим. Но на самом деле это практически невозможно. Всё, что я смогла за эти годы, — это подстроиться, чтобы не провоцировать.

На самом деле забавно, если не сказать горько, что в паре чаще всего меняется именно женщина. Сглаживает углы, молчит там, где хочется кричать, бесконечно ищет компромиссы. Привыкает. А как же мужчина? Ему что, это всё не нужно? Тогда зачем вообще жениться?

Выхожу из подъезда и на секунду замираю. Обвожу взглядом двор, детскую площадку, пустую парковку, редких прохожих. Обдумываю, куда пойти, но мыслей — ноль. В итоге просто иду вперёд по аллее, которая ведёт к парку. В самом начале всё же не выдерживаю, оборачиваюсь и поднимаю взгляд на окна нашей квартиры.

И тут же замечаю там, за стеклом, Самарина. Стоит, как тень, в полумраке. Смотрит вниз. На меня.

Даже сейчас не упускает шанс проверить, одна ли я уйду. Не выбежит ли следом кто-то ещё. Доходит до абсурда. И от этого не злость уже, а какая-то глухая усталость накатывает. Я словно под микроскопом живу.

Отворачиваюсь и иду дальше, ускоряя шаг.

На аллее много лавочек, буквально через каждые пятьдесят метров. Люди сидят парами, кто-то курит, кто-то листает телефон. Я нахожу свободную и сажусь на неё, кутаясь в куртку. В воздухе пахнет весной, хоть снег ещё не растаял полностью. Он лежит подтаявший, серый, с грязными краями. Свежо, как бывает в межсезонье, когда ещё не тепло, но зима уже отпускает.

Телефон вибрирует в ладони так неожиданно, что я вздрагиваю.

— Да, Макс.

— Ты где?

Его голос спокойный, чуть приглушённый, будто он отходит куда-то в сторону, чтобы никто не слышал.

— Гуляю.

— Могу я тебя украсть?

Хмыкаю, глядя на серые ветки деревьев.

— Мы же виделись сегодня.

— Всего на пару минут. А мне нужно чуть больше времени.

— Тебя не смущает, что я замужем?

— А ты счастлива?

Вопрос простой. И от этого ещё большее. Я сжимаю телефон крепче, давя в зародыше начавшие подступать слёзы. Что ж такое. Без них никак? Почему стоит кому-то задать правильный вопрос, и всё, броня трещит.

— Давай так, — продолжает он мягче. — Скинь мне геометку, я приеду.

Я смотрю на экран, на мигающую точку моего местоположения. На свои дрожащие пальцы.

— Хорошо, — неуверенно соглашаюсь и тут же отправляю.

Убираю телефон и откидываюсь на спинку лавочки, глядя в небо. Отчего-то накрывает ощущение, что я только усугубляю ситуацию. Расширяю пропасть, которая уже появилась между мной и Мишей. Что я за жена такая, что разрешаю приехать ко мне чужому мужчине?

И ведь я знаю. Прекрасно знаю, как от этого взбесится Самарин, если узнает. Но сейчас мне почему-то важнее не его реакция, а то, чтобы хоть на пару минут рядом оказался кто-то, кто не смотрит на меня как на врага.

Судя по всему, Макс находился где-то совсем недалеко, потому что проходит не больше десяти минут, как во двор напротив въезжает знакомая машина. Я замечаю её боковым зрением, ещё до того как он выходит.

Макс подходит ко мне быстрым шагом, останавливается рядом, наклоняясь, чтобы заглянуть в лицо. В свете фонаря его черты кажутся строже, чем днём, но взгляд всё такой же внимательный.

— Уля? Ты какая-то грустная.

И этого хватает. Меня прорывает, будто плотина, которую я держала из последних сил, не выдержала сочувствия, размыло её основание, и всё. Всхлипываю раз, другой, пытаюсь вдохнуть, но выходит рвано, некрасиво. Слёзы льются сами, без разрешения.

Следующее, что ощущаю, — тёплые, уверенные руки. Макс притягивает меня к себе, и я оказываюсь в крепких объятиях. Он прижимает мою голову к своей груди, ладонью мягко фиксирует затылок, не давя, просто удерживая. Это почему-то мгновенно выбивает из меня остатки самоконтроля.

— Поплачь, — тихо говорит он, шёпотом. — Не стесняйся, станет легче.

Я всхлипываю ещё сильнее, цепляясь пальцами за ткань его куртки, будто за спасательный круг.

— И-извини, что я так... — слова путаются, застревают в горле. — Просто...

— Можешь ничего не рассказывать, если не хочешь, — перебивает мягко. — Правда.

И от этого тоже реву. Потому что не тянет из меня объяснений, не требует отчёта, не лезет с советами. Он просто сидит рядом.

Я утыкаюсь лбом ему в грудь и позволяю себе эти несколько минут слабости, которые не позволяла себе давно.

Ну почему именно он такой понимающий? Почему это не мой муж, с которым я должна чувствовать себя в безопасности?

Макс медленно гладит меня по волосам, ничего не говоря, и в этот момент я понимаю: иногда достаточно просто того, что тебя не обвиняют.

— Может, хочешь мороженого? Или торт? Давай зайдём в кофейню? Глядишь, повеселеешь.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка
Евгения Вечер "После развода. Прощу и (не) вернусь"

https://litnet.com/shrt/_6YA

Муж ушёл от меня к беременной любовнице.

Спустя шесть лет мы встретились вновь.

Он - отец-одиночка, я воспитываю нашего общего сына, о котором он не знает. Второй шанс или..?

**МУЖ УШЁЛ ОТ МЕНЯ К
БЕРЕМЕННОЙ ЛЮБОВНИЦЕ.
СПУСТЯ ШЕСТЬ ЛЕТ
МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ ВНОВЬ.
ОН - ОТЕЦ-ОДИНОЧКА,
Я ВОСПИТЫВАЮ НАШЕГО ОБЩЕГО СЫНА,
О КОТОРОМ ОН НЕ ЗНАЕТ.
ВТОРОЙ ШАНС ИЛИ..?**

Глава 14 Михаил

Сука!

Бью кулаком в дверь снова и снова, не считая ударов. Дерево глухо отзывается, а мне всё равно. Не обращаю внимания на то, как кожа на костяшках лопается, как тёплая кровь размазывается по светлому полотну и оставляет уродливые пятна. Нихрена легче не становится. Наоборот, будто кто-то вскрыл меня изнутри, и горячая лава заливает всё подряд: грудь, горло, голову. Дышать тяжело, в ушах шумит.

Развод она хочет! Ага, щас.

Пусть этот Золотарёв облезет, ни за что Ульяну ему не отдам. Даже в голове не укладывается, как он вообще посмел к ней приблизиться. Думает, раз он мент, неприкасаемый? Думает, если форма и погоны, то всё можно? Ошибся. Сильно.

Последний удар приходится одновременно со звонком, который врзается в мозг громкой, настырной трелью.

Кого принесло? Может, Уля вернулась?

Эта мысль на секунду останавливает. Я упираюсь лбом в дверь, закрываю глаза и пытаюсь отдышаться. Холодная поверхность немного остужает кожу, но внутри всё равно всё кипит. Сердце колотится так, будто вот-вот выскочит.

Но времени мне не дают. Звонок повторяется. Потом ещё раз. И ещё. Длинно, зло, будто специально.

Резко распахиваю дверь.

На пороге стоит мужик. Крупный. Плечи широкие, челюсть квадратная, лет тридцать с хвостиком. В домашней кофте, спортивных штанах, тапках. Вид у него такой, что сразу понятно — не из тех, кто будет долго церемониться. Смотрит недовольно, оценивающе. Взгляд быстро скользит по моему лицу, по разбитым костяшкам, по пятнам крови на двери.

— Хорош шуметь, сосед.

Я чувствую, как он внутренне прикидывает, стоит ли со мной связываться.

— У меня дочь болеет, — продолжает он. — Поспать бы ей.

В обычном состоянии я бы извинился. Сказал бы, что сорвался, что не хотел. Может, даже предложил бы помочь чем-то, чтобы не портить отношения. Но сейчас у меня внутри пусто и зло одновременно.

— Так пусть спит, я тут при чём? — бросаю резко.

Он приподнимает бровь.

— Твою истерику бабскую слышит весь подъезд. Если не прекратишь, ментов вызову. Поедешь прохлаждаться в отделение.

— В морду захотел? — цежу сквозь зубы, делая шаг вперёд.

Он не отступает. Даже не напрягается.

— Ты давай, охолоди, терминатор, — усмехается криво. — Что у тебя произошло, что ты дверь пытаешься насквозь пробить?

Я сжимаю кулаки, чувствуя, как боль отзывается резкой пульсацией.

— С женой проблемы.

Он смотрит на меня ещё пару секунд, потом качает головой.

— А у кого их нет? — философски вздыхает, оборачиваясь в сторону своей квартиры. — Только не все из-за этого подъезд на уши ставят.

Пауза тянется. В голове всё ещё шумит, но ярость начинает медленно оседать, оставляя после себя вязкую, тупую пустоту.

— Успокойся, — бросает он напоследок, уже отходя. — За такие закидоны сейчас быстро приземляют. Если поговорить захочешь, заходи.

Дверь его квартиры закрывается. Я остаюсь один, в коридоре, с разбитыми руками и этой звенящей тишиной, в которой отчётливо слышно собственное дыхание.

Медленно закрываю дверь. Сползаю по ней спиной вниз и сажусь прямо на пол, уставившись в свои ладони. Кровь капает на ламинат.

И впервые за весь вечер внутри мелькает не злость. Страх. Потому что вдруг доходит: а что, если она правда уйдёт?

Срываюсь с места почти сразу. Не одеваясь толком, накидываю куртку, выхожу из подъезда и сворачиваю на ту самую аллею, по которой она ушла. Даже не сомневаюсь — пошла именно туда. Я слишком хорошо её знаю.

Иду быстро, всё ускоряя шаг. Фонари уже горят, свет жёлтый, неровный, тени длинные. С каждой лавочкой, на которой её нет, накрывает сильнее. Сначала просто тревога, потом она превращается в вязкое, колкое ощущение под рёбрами.

Где она, чёрт возьми? Вечер уже. Холодно. Темнеет.

Оглядываюсь по сторонам, будто она может выскочить из-за дерева или окликнуть. Пусто. Пара подростков, женщина с собакой, мужик с коляской. Не она.

Мысли начинают метаться. А если с ней что-то случилось? А если она правда не одна?

От этого внутри всё снова вспыхивает.

Достаю телефон. Рука дрожит, когда набираю Светку. Не хочу ей звонить, но выбора нет. Гудки тянутся вечностью.

— Да? — отвечает она настороженно.

— Света, это Миша, — говорю жёстко. — Уля у тебя?

— Нет, — сразу. — А что?

— Ты точно уверена?

— Да, Миш. Я дома. Мы сегодня виделись днём, и всё. А что происходит?

Сжимаю челюсти.

— Ты не знаешь, где она может быть?

— Понятия не имею, — вздыхает. — Вы опять поругались?

— Не твоё дело, — бросаю и сбрасываю вызов.

Стою пару секунд, уставившись в потухший экран, потом убираю телефон в карман и иду дальше. Просто иду. Куда глаза глядят. Вдоль аллеи, мимо дворов, через сквер.

Каждый силуэт кажется похожим на неё. Каждый женский смех режет слух.

И уже почти решаю повернуть назад, когда замечаю свет в окнах небольшой кафешки у дороги. Тёплый, яркий, живой. Машинально бросаю взгляд и замираю.

Сука.

За стеклом они.

Ульяна сидит за столиком. Наклонилась чуть вперёд, руки на кружке. Волосы убраны за ухо. Она выглядит... спокойной. Даже улыбается.

Напротив — он. Золотарёв.

Сидит слишком близко. Смотрит на неё так, будто уже детишек с ней запланировал. Будто уже победил.

У меня темнеет в глазах.

Вот она где. Вот так, значит.

Стою, не в силах сдвинуться с места. В груди что-то обрывается и тут же срастается злой, острой болью. Всё, что я себе надумал по дороге, оказывается правдой.

Она с ним.

Руки сжимаются в кулаки сами собой. Я уже не чувствую холода, не слышу улицу. Есть только это окно. Этот столик. И этот мужик, который сидит напротив моей жены.

Развод, значит...

Ну посмотрим.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка
Анна Эдельвейс "Развод. Любовь на перекрестке судьбы"

<https://litnet.com/shrt/ekE0>

**МУЖ РЕШИЛ,
ЧТО МНЕ НАДО
ПОДРУЖИТЬСЯ С ЕГО
ЛЮБОВНИЦЕЙ.**

Глава 15 Ульяна

Макс изо всех сил делает вид, что его не интересует, что у меня случилось. Он даже ни разу не задаёт того самого вопроса, который обычно висит в воздухе: “Что произошло?” Не смотрит сочувственно, не вздыхает, не пытается вытащить из меня признания клещами. И я ему за это благодарна. Именно поэтому уже спустя пятнадцать минут я улыбаюсь и смеюсь, а не реву в три ручья, размазывая сопли по лицу и салфеткам.

Мы сидим у окна. За стеклом медленно темнеет, фонари отражаются в мокром асфальте. Внутри тепло, пахнет кофе, ванилью и чем-то шоколадным. Музыка играет тихо, какая-то старая англоязычная попса, которую обычно даже не замечаешь, но она создаёт фон.

— А ты помнишь, как мы залили клеем замок в кабинете математички? — вдруг напоминает он о случае, который произошёл, если правильно помню, в десятом классе.

Я сначала даже не сразу улавливаю, о чём он, а потом картинка вспыхивает так ярко, будто это было вчера.

— Конечно, забудешь такое, — фыркаю. — Ксень Санна тогда так орала, что у меня с тех пор повреждены барабанные перепонки.

Макс смеётся, откидываясь на спинку диванчика.

— Не у тебя одной! Ещё и родители потом выпали.

— О, да... — закатываю глаза. — Мама тогда впервые сказала, что “Золотарёв до добра не доведёт”.

— Клевета, — возмущённо вскидывает брови он. — Я был образцовым подростком.

— Образцовым хулиганом — да.

— Завидуй молча, Ульяна. У меня была насыщенная школьная жизнь.

Я улыбаюсь шире и ловлю себя на том, что плечи наконец-то перестали быть каменными.

— Я, конечно, тогда была хорошей девочкой, но даже мне было тяжело на её уроках. Так что я вас несколько не осуждаю.

— Признателен за такое откровение, — шутливо прижимает руку к груди Золотарёв, делая трагическое лицо.

— Кто-кто, а она точно не должна была работать в школе.

— Согласен. Она должна была работать... — он задумывается. — Надзирателем в тюрьме строгого режима.

Я смеюсь уже по-настоящему. С запрокинутой головой, с закрытыми глазами. И в этот момент вдруг понимаю, как давно я так не смеялась. Без оглядки. Без напряжения внутри.

В этот момент нам приносят кофе и десерты. Официантка ставит перед нами тарелки, и от горячего шоколадного запаха у меня почти кружится голова.

У Макса тёмный, плотный брауни, с глянцевой корочкой и шариком подтаявшего мороженого сверху. У меня — корзинка со сгущёнкой. Моя личная сахарная погибель.

Моё запретное удовольствие. Я крайне редко позволяю себе такие сахарные бомбы.

— Ничего себе, — тянет Макс, разглядывая мою тарелку. — Вот это уровень стресса.

— Сегодня можно, — пожимаю плечами.

Беру ложечку, прокалываю хрустящее тесто. Сгущёнка сверху густая, тягучая. От одного вида становится одновременно и хорошо, и стыдно, как будто я делаю что-то запрещённое.

Пробую. Сладко до невозможности. Но именно это и нужно.

Я прикрываю глаза на секунду, смакуя вкус, и тихо выдыхаю.

— Ммм... Боже, как вкусно.

— Вот теперь я спокоен, — усмехается Макс, отпивая кофе. — Если женщина ест сгущёнку, значит, конец света откладывается.

— Не факт, — хмыкаю. — Может, наоборот, это предвестник катастрофы.

Он внимательно смотрит на меня поверх кружки. Но, как и обещал своим молчанием в начале, не лезет. Не спрашивает. Только мягко переводит разговор обратно в безопасное русло.

И я снова ловлю себя на том, что мне... легко.

Странно легко для человека, у которого жизнь трещит по швам.

Спустя десять минут я вдруг начинаю ощущать себя странно. Сначала даже не понимаю, что именно не так. Просто внутри появляется лёгкое беспокойство, которое зудит, мешая и дальше беззаботно вспоминать школьные годы. Словно кто-то смотрит долго, пристально, не отрываясь.

Я машинально провожу ладонью по шее, будто могу стряхнуть это ощущение, делаю глоток уже остывшего кофе, но становится только хуже. Невольно оглядываюсь по залу.

За соседним столиком сидит пара, девушка что-то оживлённо рассказывает, размахивая руками. У стойки бариста смеётся с курьером. В углу мужчина работает за ноутбуком. Никто не смотрит. Никому до меня нет дела.

Я уже хочу отмахнуться от глупого чувства, когда взгляд сам собой уходит к окну и замирает.

Под фонарём, прямо напротив кафе, стоит Миша.

Фигура наполовину в тени, наполовину в жёлтом пятне света. Руки в карманах. Плечи напряжены. Он не двигается. Просто смотрит сюда.

Прямо на нас.

У меня внутри всё резко холодеет. Как долго он там стоит? Сколько видел?

Смеялась ли я, когда он уже был там? Ела ли эту чёртову корзинку? Наклонялась ли к Максусу слишком близко?

Сердце начинает биться чаще, глухо, тяжело.

— Уль? — тихо окликает Макс. — Ты чего зависла?

Я сглатываю, не отрывая взгляда от окна.

— Миша.

Макс оборачивается почти сразу, прослеживая направление моего взгляда. Его лицо на секунду каменеет.

— Давно он там?

— Не знаю... — шепчу. — Только сейчас увидела.

Миша не машет. Не заходит. Не уходит. Просто стоит и смотрит.

— Давай закругляться, — быстро говорю я, уже тянусь за сумкой. — Я пойду.

— Подожди, — останавливает Макс.

— Не надо. Я сама.

— Уля, — его голос становится серьёзнее. — Ты понимаешь, что сейчас будет?

Понимаю. Ещё как понимаю.

Скандал. Обвинения. Крики. Возможно, при нём же.

— Именно поэтому я и пойду одна, — тихо отвечаю. — Не хочу, чтобы он...

— ...обвинил тебя в том, что ты со мной прячешься? — заканчивает Макс.

Я молчу, потому что да. Именно это.

Он выдыхает сквозь зубы, проводит ладонью по затылку.

— Тогда я подойду с тобой.

— Нет, — слишком резко выходит.

— Уля.

— Макс, не надо, — уже мягче, но настойчиво. — Я сама разберусь. Это мой муж.

— Который сейчас прожигает тебя взглядом через стекло, — сухо замечает он.

Я нервно усмехаюсь.

— Тем более. Не хочу масла в огонь подливать.

Макс несколько секунд смотрит на меня, будто взвешивает, стоит ли настаивать. Потом кивает... но как-то слишком формально.

Я встаю, надеваю пальто, руки слегка подрагивают, когда застёгиваю пуговицы. Чувствую спиной взгляд Миши, даже сквозь стены.

— Я провожу, — вдруг говорит Макс, тоже поднимаясь.

— Не надо, — снова повторяю. — Сиди.

Но он уже тянется за курткой.

— Макс...

— Я просто выйду. Ничего больше, — спокойно, но твёрдо.

Я качаю головой.

— Он взбесится.

— Он и так взбешён, — парирует он. — Разница уже небольшая.

Я делаю шаг к выходу, надеясь, что он всё же останется.

Не остаётся. Слышу за спиной его шаги, чувствую, как внутри нарастает паника.

— Макс, я серьёзно, не надо, — шепчу уже у самой двери.

Он не слушает. Открывает её передо мной, пропуская вперёд.

И мы вместе выходим в холодный вечер прямо под жёсткий, тяжёлый взгляд моего мужа.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Между прошлым и будущим" вышла новинка
Лера Корсика "Развод. Драмы больше нет"

<https://litnet.com/shrt/ZyCE>

Он был препод, а я студентка. Любовь, свадьба, 7 лет брака. Но муж стал ректором и решил, что хочет себе девушку по моложе!

ОН БЫЛ ПРЕПОД, А Я СТУДЕНТКА.
ЛЮБОВЬ, СВАДЬБА, 7 ЛЕТ БРАКА
НО МУЖ СТАЛ РЕКТОРОМ И РЕШИЛ
ЧТО ХОЧЕТ СЕБЕ ДЕВУШКУ
ПО-МОЛОЖЕ!

Глава 16 Ульяна

— Идём домой, — сквозь зубы требует Миша и тянет меня за руку в сторону.

Его пальцы впиваются в запястье так резко, что я не сразу понимаю, что происходит. Просто чувствую рывок и своё тело, которое вынужденно подчиняется. Каблук цепляется за плитку у входа в кафе, я едва не оступаюсь.

— Что ты делаешь? Так нельзя! Я не попрощалась, — абсолютно искренне возмущаюсь.

Голос звучит растерянно и даже жалко, но мне правда важно хотя бы элементарное, повернуться, сказать “пока”, “спасибо”. Не из-за Макса даже, а из-за себя. Чтобы не выглядеть так, будто меня утащили, как провинившегося ребёнка.

Но Самарин делает вид, что оглох.

Его ладонь только сильнее сжимается на моей руке. Больно. Настолько, что я невольно морщусь и пытаюсь высвободиться, но он не отпускает.

— Миша, мне больно, — шиплю вполголоса.

Ноль реакции.

Он останавливается лишь тогда, когда мы отходим на пару шагов от двери, и разворачивается к Максиму всем корпусом, не выпуская меня.

— Спасибо, что составил компанию моей жене, — агрессивно благодарит он.

Слово “жене” он выделяет особенно тяжело, с нажимом, будто метку ставит.

Макс стоит спокойно, засунув руки в карманы пальто. Но я вижу, как напряглась его челюсть.

— Не за что. Ульяна чудесная женщина.

От этих слов мне одновременно и тепло, и неловко, и тревожно, потому что я уже знаю, как Миша на это отреагирует. Так и происходит.

— Моя женщина, — тут же жёстко поправляет он. — Не советую больше к ней лезть.

— Это будет зависеть от тебя, — ровно отвечает Макс. — Может, хватит её тиранить? Я её успокаивал, а не ты.

Я физически чувствую, как между ними натягивается струна.

Ситуация накалена до предела. Настолько, что даже шум улицы будто глохнет. Слышно только их голоса и моё собственное сердцебиение где-то в ушах.

Я не хочу, чтобы они спорили. Не хочу, чтобы это превращалось в драку. Но оба будто забыли про моё существование, меряются правами, словами, злостью.

— Тебя забыл спросить, что мне делать, — Миша делает шаг вперёд. — Явился спустя херову тучу лет и будешь мне указывать? Ты просрал свой шанс, так что свали с дороги.

Макс тоже подаётся вперёд, и расстояние между ними сокращается до опасного.

— Прямо сейчас ты упускаешь свой, — тихо, но жёстко отвечает он. — И не тебе решать, хочет со мной общаться Уля или нет.

Я вижу, как у Миши темнеют глаза. Как напрягаются плечи. Как сжимается кулак, сбитый, с содранными костяшками. Расстояние между ними становится критическим, и я вынуждена вывернуть руку из его захвата, чтобы встать между ними.

Практически втискиваю грудью в грудь Миши, упираясь ладонями ему в куртку.

— Хватит! Прекратите оба!

Голос срывается. Мне страшно. За них. За себя. За то, что будет дальше.

— Уля, отойди, — глухо требует Миша, даже не глядя на меня. — Видимо, колечка на пальце твоему однокласснику не хватило, чтобы понять, что женщина занята.

— Миша, прекрати, — пытаюсь говорить спокойно, но голос всё равно дрожит. — Ты перегибаешь.

Он даже не смотрит на меня, весь сосредоточен на Максе. Челюсть сжата так, что ходят желваки. Взгляд тяжёлый, тёмный, будто в нём уже давно не осталось ничего, кроме злости.

— Я с тобой дома поговорю, — бросает мне, не отрываясь от Золотарёва.

— Нет, — вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать.

Оба на секунду переводят взгляд на меня.

— Что значит “нет”? — тихо, но опасно переспрашивает Миша.

Я сглатываю, чувствуя, как под этим взглядом становится холодно.

— Я не хочу сейчас никуда идти. И тем более — в таком состоянии разговаривать.

— В каком состоянии? — усмехается он. — Ты вроде отлично время проводила. Смеялась. Кофе пила. Десертики ела.

— Потому что я не обязана реветь двадцать четыре на семь, — огрызаюсь. — Мне что, даже улыбнуться нельзя?

— С ним — нельзя, — отрезает он.

Макс рядом едва заметно напрягается.

— Ты сейчас сам слышишь, что несёшь?

— Тебя вообще никто не спрашивал, — рявкает Миша. — Ещё раз говорю: свали.

— Я уйду, когда Уля скажет, что ей это нужно, — не повышая голоса отвечает Макс. — А не когда ты прикажешь.

Я чувствую, как между ними буквально искрит. Люди у входа в кафе уже косятся. Кто-то замедляет шаг, кто-то наоборот ускоряется, не желая становиться свидетелем чужой разборки.

— Я сказал, отойди от моей жены, — Миша делает шаг вперёд.

Макс не отступает.

— А я сказал — не смей на неё давить.

Я резко встаю между ними, упираясь ладонями в грудь Миши, потому что он реально уже близко.

Слишком близко.

— Хватит! — почти кричу. — Вы что творите?!

Миша переводит взгляд на меня. И в нём столько всего намешано: злость, боль, ревность, обида... что на секунду у меня перехватывает дыхание.

— Поехали домой, — уже тише, но жёстче говорит он. — Сейчас же.

— Я не поеду, пока ты в таком состоянии, — качаю головой.

— То есть с ним ты можешь сидеть, а со мной — нет? — криво усмехается.

— Потому что с ним я не чувствую себя виноватой за каждый вдох! — срываюсь.

Он замирает, будто я его ударила.

— Ах вот как... — медленно произносит.

Макс рядом тихо выдыхает, но молчит, видимо, понимает, что дальше только между нами.

— Уля, — Миша наклоняется чуть ближе, — последний раз говорю. Пошли домой.

Я смотрю на него снизу вверх. И вдруг понимаю, что если сейчас снова послушаюсь, то всё... ничего уже не изменится. Никогда.

— Я приду домой позже, — тихо, но отчётливо говорю.

— С ним? — кивок в сторону Макса.

— Это уже не твоё дело.

Его взгляд в этот момент становится по-настоящему страшным.

— Значит так, да? — хрипло.

Я молчу. Потому что сказать любое слово сейчас, как бросить спичку в бензин.

Он усмехается коротко, зло.

— Понял.

И отступает на шаг, но не уходит. Смотрит на меня так, будто пытается запомнить каждую черту лица.

Мне от этого взгляда не по себе. Очень.

Воздух становится таким тяжёлым, что им уже невозможно дышать. Я стою, упираясь ладонями в грудь Миши, чувствую, как под курткой ходят ходуном его мышцы, как он буквально дрожит от злости.

— Уля, отойди, — повторяет он уже жёстче.

— Нет.

Даже сама не понимаю, откуда во мне берётся эта твёрдость.

— Я сказала, хватит!

Но мои слова для них — шум. Фон. Помеха.

Макс делает ещё шаг.

— Ты её пугаешь, — тихо говорит он, глядя Мише прямо в глаза.

И всё. Этого достаточно.

Я не успеваю даже вдохнуть, как Миша резко отталкивает меня в сторону. Не сильно, но неожиданно. Я оступаюсь, пяткой задеваю бордюр и едва удерживаю равновесие.

А в следующую секунду его кулак уже летит вперёд.

Слышу глухой звук удара. Голова Макса дёргается вбок, он отшатывается, но почти сразу возвращает коротко, точно, в ответ.

— Прекратите!!! — кричу я, но голос тонет в шуме.

Они сцепляются, как будто только этого и ждали. Миша бьёт грубо, на эмоциях, без расчёта. Макс — сдержаннее, но жёстко, явно умея держать удар.

Я мечусь рядом, хватаю Мишу за плечо, тяну.

— Миша, остановись! Пожалуйста!

Он меня даже не слышит.

В какой-то момент Макс резко заламывает ему руку, разворачивая корпусом к стене кафе.

— Успокойся! — рычит он.

— Отпусти, сука!

Миша дёргается, вырывается, снова бросается вперёд.

И тут раздаётся вой сирены. Машина полиции подкатывает почти вплотную к тротуару. Потом вторая.

Кто-то из посетителей всё-таки вызвал.

Двери хлопают.

— Так, разошлись! Быстро! — звучит командный голос.

К ним подлетают двое сотрудников, растаскивают в разные стороны. Макс не сопротивляется, только тяжело дышит. Миша же ещё пытается вырваться.

— Успокоился! — его прижимают к капоту.

— Да он первый начал! — орёт Миша, дёргаясь. — Он к моей жене лез!

Я стою в стороне, обхватив себя руками, и чувствую, как меня трясёт.

— Документы, — сухо говорит один из полицейских Макс.

Тот молча достаёт удостоверение.

Сотрудник смотрит, и его брови чуть ползут вверх.

— Так... Золотарёв?

— Да.

Короткая пауза.

— И что ж вы, коллега...

— Вне службы, — так же спокойно отвечает Макс.

Тем временем второго уже ведут к машине.

— Пройдёте.

— Да куда вы меня тащите?! — Миша снова дёргается. — Я ничего не сделал!

— В отделении разберёмся.

Их разводят по разным машинам.

Я стою между ними — буквально.

Обе двери открыты.

Оба смотрят на меня.

У Миши взгляд бешеный, воспалённый, всё ещё полный злости.

У Макса — тяжёлый, но спокойный. В нём больше беспокойства за меня, чем за себя.

— Девушка, — обращается ко мне один из сотрудников. — Поедете?

Я сглатываю. Киваю.

— Поеду.

— Садитесь.

И вот тут меня накрывает.

Обе машины стоят рядом. В одной — мой муж. В другой — мужчина, который только что меня обнимал, когда я плакала.

Оба смотрят. Ждут.

— Она моя жена! Никуда она не поедет!

— Ульяна поедет со мной.

Глава 17 Ульяна

Я им что, переходящее красное знамя? Меня можно дёргать каждому в свою сторону, не забываясь о том, что я чувствую?

Чёртовы павлины.

Один распушился, второй хвост веером развернул, и оба ждут, кого я выберу. Будто от этого зависит, кто из них победил. Ни один не спрашивает, хочу ли я вообще участвовать в этом цирке.

Мне всё равно, с кем ехать. Я сейчас их обоих видеть не хочу. В них сейчас так мало заботы обо мне и так много эго, что будь здесь третья машина, я не задумываясь села бы в неё. Мечтать не вредно.

Хотя нет... даже не в машину. Я бы сейчас с радостью села в пустой автобус, в трамвай, хоть в такси к молчаливому водителю, лишь бы подальше от этих взглядов, которые тянут, цепляют, делают.

Такой роскоши мне не предоставляют.

Оба смотрят на меня. Ждут. Смешно. Если бы они хоть на секунду задумались, что мне сейчас хуже, чем им обоим вместе взятым.

Я чувствую себя выжатой, пустой. словно внутри всё выгорело — и злость, и обида, и даже слёзы. Осталась только раздражение.

И эти взгляды, ощущаемые физически. Будто ладони на плечах, тянут в разные стороны. Кожу жжёт. Хочется стряхнуть их с себя.

Господи, да даже полиция втянута в их мужские разборки. Стоят, смотрят, ждут, пока я решу, кому “достаться”.

— Вы едете с нами или остаётесь? Время не резиновое, — повторяет полицейский уже жёстче.

Я перевожу на него взгляд, будто только сейчас вспоминаю, что мы вообще-то не одни. Шумно выдыхаю, переводя взгляд с одной машины на другую. Мигалки режут глаза. Слева — Миша, застывший, как натянутая струна. Челюсть сведена, взгляд тяжёлый, прожигающий. Справа — Макс. Тоже напряжённый, но смотрит иначе. Не тянет, не требует. Ждёт.

— Поеду... — осекаюсь, сама не понимая, кому это говорю.

Да и какая разница?

Делаю шаг и улавливаю, как Миша едва заметно подаётся вперёд. Будто боится, что я сейчас развернусь и уйду к другому.

Вот только я ни к кому не иду. Холод от металлической ручки обжигает ладонь. В салоне пахнет кожей, табаком и чем-то резким. Сиденье жёсткое. Дверь захлопывается за мной глухо, отрезая от улицы, от их взглядов, от всего.

Только когда машина трогается, понимаю — я еду с Мишей. Опять он рядом. Даже когда я этого не хочу. Раньше его присутствие было синонимом безопасности. Теперь — наоборот. Будто рядом источник всех моих бед.

Он сидит слева, но даже так выглядит опасным. Костяшки разбиты, на пальцах запёкшаяся кровь. Взгляд бежит по моему лицу, будто ищет там ответы на вопросы, которые сам же и задал.

Молчим.

Сирена воеет над крышей, пробирая до костей. Синий свет вспышками выхватывает его злое лицо, усталое, какое-то потерянное.

Он пару раз будто порывается что-то сказать. Губы приоткрываются и снова сжимаются. Кулаки лежат на коленях, пальцы то сжимаются, то разжимаются, размазывая подсохшую кровь. Он морщится, видимо, только сейчас начинает чувствовать боль.

Сколько раз мы ехали вот так молча после ссоры?

— Довольна? — наконец хрипло бросает он.

Отворачиваюсь к окну.

За стеклом город плывёт размытыми огнями. Люди идут, машины едут, у кого-то обычный вечер. И только у нас всё летит в пропасть.

— Уля, — тише. — Посмотри на меня.

Не смотрю. Если посмотрю, снова сорвёмся во взаимные упрёки. Похоже, поговорить конструктивно — не про нас. Слишком много эмоций пока что.

В салоне повисает тяжёлая тишина. Даже сирена не спасает, она будто только подчеркивает искры, которые летят между нами.

Я упираюсь лбом в холодное стекло. Оно вибрирует от скорости. От этого по коже бегут мурашки.

Сирена воеет, разрезая поток. Машины впереди шарахаются в стороны, освобождая дорогу.

— Быстрее давай, — бросает второй полицейский водителю. — Нам ещё протоколы писать до ночи.

— Да еду я, — раздражённо отзывается тот, сильнее сжимая руль.

Машину ведёт на влажном асфальте. Лёгкий занос, и сразу выравнивание.

Я цепляюсь пальцами за край сиденья.

— Может, не так быстро?.. — вырывается у меня.

Оба полицейских коротко переглядываются в зеркале.

— Не переживайте, девушка, — говорит водитель, не оборачиваясь. — Довезём в лучшем виде.

Я снова бросаю взгляд на Мишу.

Он смотрит не на меня — вперёд. В лобовое стекло. Слишком пристально.

— Пристегнись нормально, — вдруг говорит он глухо.

— Я пристёгнута.

— Ту же.

Я машинально дёргаю ремень. Он щёлкает, впиваясь в грудь сильнее.

— Миш, перестань...

— Просто пристегнись, Уля, — повторяет он, и в голос впервые за весь вечер слышится не агрессия, а что-то похожее на... страх.

Это заставляет меня тоже посмотреть вперёд. Дорога освещена пятнами фонарей. Мокрый асфальт блестит, как зеркало. Встречка почти пустая, сирена делает своё дело.

Полицейская машина ускоряется ещё. Меня вжимает в спинку сиденья. Где-то сзади, недалеко, на секунду вспыхивают синие огни второй машины, той, где везут Макса.

Я собираюсь отвернуться обратно к окну, когда замечаю впереди слишком яркий свет.

Он появляется из-за поворота и ослепляет.

— Чё за... — бормочет водитель, шурясь.

Свет не уходит в сторону, как должен. Не смещается в свою полосу. Наоборот приближается слишком быстро.

— Он чего творит?.. — уже громче.

Я шурюсь, прикрывая глаза ладонью.

И в следующую секунду различаю контур. Огромный. Тёмный.

Фура в считанные секунды оказывается слишком близко.

— Твою мать! — орёт водитель, выворачивая руль.

Время будто схлапывается.

Миша дёргается ко мне инстинктивно, чтобы я не вылетела вперёд.

Слышно удар. Скрежет металла разрывает воздух.

Меня швыряет вперёд, ремень впивается в грудь так, что перехватывает дыхание. Стекло взрывается россыпью осколков. В ушах — гул, будто я нырнула под воду.

Всё меркнет. Но не сразу. Я чувствую, как чья-то рука всё ещё держит моё плечо.

С трудом поворачиваю голову.

— Миш...

Не понимаю, сказала вслух или только подумала.

Сирены слышатся где-то далеко. Запах бензина проникает в нос.

Последнее, что вижу — его лицо совсем рядом. В крови. И почему-то испуганное сильнее, чем когда-либо.

А потом темнота накрывает, как плотное одеяло.

Глава 18 Ульяна

Открываю глаза в скорой. Болит всё тело. Не ноет, именно болит, будто меня разобрали на части, а потом собрали кое-как. Ужас сковывает железными тисками, мешая дышать. В груди давит, каждое движение отдаётся вспышками боли.

В носу какие-то трубки, которые я пытаюсь выдернуть, действуя скорее на панике, чем осознанно. Руки дрожат, пальцы плохо слушаются.

— Тихо, нельзя, — мягкий женский голос успокаивает.

Чьи-то ладони аккуратно, но настойчиво перехватывают мои запястья, возвращая их на носилки.

Перевожу мутный взгляд на врача. Молодая женщина в маске, глаза усталые, но внимательные. Надо мной покачивается потолок скорой, мигают холодные лампы. Машину трясёт на кочках, и от этого внутри всё болезненно сжимается.

— Как?.. — губы еле шевелятся. Самой непонятно, как удалось выдать звук.

— Мужчина, который с вами был? — сразу понимает она.

Киваю. Даже это движение отдаётся болью в шее.

— У него состояние хуже вашего. Точно не скажу, мы из разных бригад, но вроде есть переломы. Его увезли раньше. Но он жив, так что сосредоточьтесь на себе пока.

Жив. Слово эхом отзывается в голове, и я только сейчас понимаю, что до этой секунды боялась спросить. Закрываю глаза на мгновение, позволяя себе короткий выдох.

Про Макса знать тоже хотелось бы. Но пока что не чувствую сил на долгий диалог. Мысль о второй машине вспыхивает и гаснет. Надеюсь, что то, что они были за нами, спасло их от столкновения. Хочется верить, что их максимум задело. Что он о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.